

ВИВЬЕН МОНТЕ
ИРИЛИВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

— 18+ —

18+

Вивьен Монте

Прилив

<https://litres.ru/74459639>

SelfPub; 2026

Аннотация

Прилив приходит и уходит. Оставляет следы на песке. Разрушает то, что построил вчера. И приносит то, что ждал завтра.

Их любовь была как прилив. Внезапная. Сокрушительная. Неизбежная.

Они рискуют всем ради украденных мгновений. Но их тайна слишком опасна, а последствия слишком страшны. Когда мир рушится, Дженнифер остается одна с разбитым сердцем и вопросом: была ли его любовь настоящей?

Теперь ей предстоит заново научиться дышать, верить и жить. Но можно ли забыть того, кто оставил след на коже и в душе? И что делать, когда единственный человек, который сделал её счастливой, стал причиной её боли?

Он — сводный брат, который не хотел семью. Она — художница, которая боялась будущего. Одно лето у моря. Одна ночь, которая изменила всё. Одно слово, которое разрушило всё.

Эта история о том, как прилив приносит не только разрушение, но и новый берег. О том, как двое людей, которые боялись любить, находят друг в друге дом.

Прилив всегда приходит. Вопрос только в том, устоишь ли ты на ногах.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	43
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Вивьен Монте

Прилив

Глава 1

Дженнифер

Солнце лениво клонилось к горизонту, окрашивая небо в оттенки оранжевого и фиолетового, словно художник небрежно разбросал краски по холсту. Слева, в далёкой дымке, мерцал лазурный цвет моря — бесконечная гладь, усыпанная яркими бликами. Волны, невидимые отсюда, манили ароматом соли и йода, который уже начинал пробиваться сквозь приоткрытое окно машины. Справа возвышалась гора, одетая в густой лес: кроны деревьев шелестели под порывами ветра, обещая тайны и прохладу.

Машина плавно скользила по узкому серпантину, петляя между скалами и обрывами. Мама, устроившаяся на переднем сиденье, не могла оторваться от вида. Она заливалась восторгом, её голос звенел, перекрывая шум мотора:

— Смотрите, какие краски! Это же рай на земле! — щёлк-щёлк — старый фотоаппарат в её руках работал не переставая. Объектив ловил каждый поворот, каждый проблеск солнца на воде. — Дети, запоминайте: это наш первый семейный отпуск! Не зевайте!

Я улыбнулась, но внутри шевельнулось лёгкое беспокойство. Дорога казалась слишком узкой, а обрывы — слишком крутыми. Что, если впереди завал или внезапный дождь? Мы мчались в эту глушь по навигатору, который уже дважды глючил, показывая нас посреди океана.

Рядом со мной, развалившись на два сиденья, посапывала младшая сестра, Амели. Первый перелёт в её жизни дался ой нелегко, но стоило нам сесть в машину, как она тут же уснула в обнимку со своим любимым плюшевым зайчиком. Зайчик теперь лежал у неё на груди, а её длинные волосы разметались по подушке, которую она притащила из дома. Я осторожно поправила плед, чтобы не разбудить.

С каждой минутой мы подъезжали ближе к морю. Воздух густел — влажный, солёный, с привкусом йода и дизеля от проезжающих грузовиков. Серпантин выровнялся, и вот машина остановилась у небольшого домика почти на самом берегу. Светлый, в испанском стиле — белые стены, красная черепица, цветы в горшках у входа. Волны шумели в двух шагах, били о камни, разбрасывая пену. Идеальное место, чтобы забыть обо всём.

Моя мама — Клара, вышла замуж за нового мужчину. Третий брак, если считать тот случай восемь лет назад. Папа Амели тогда сбежал, узнав о беременности. Они не были в официальном браке, просто жили вместе, но он мог бы остаться. Не скажу, что он был полным гадом. Работал, приносил деньги, но отказ от ребёнка всё перечеркнул. Я его

простить не смогу.

Несколько лет спустя мама встретила Мартина Гарсия на одном из архитектурных мероприятий. Клялась, что мужчины — не для неё, что хватит слёз. Но Мартин... Он другой. Известный архитектор, строит дома, уютные, с душой. Самый приятный человек, кого я знаю: всегда спросит, как дела, посмеётся над моей шуткой, не давит. Когда мама влюбилась по уши, я сначала злилась. А теперь? Рада за неё. Этот дом — его подарок.

Мартин вышел из машины, махнул рукой: «Добро пожаловать!» Улыбка искренняя. Я кивнула, чувствуя, как напряжение спадает. Море шептало: «всё будет хорошо».

Внутри дом был таким же светлым и уютным, как снаружи. Заходишь и сразу кухня, слитая со столовой и гостиной. Деревянные балки на потолке, белые стены, огромные окна с видом на море. Оттуда пахло свежим хлебом и кофе, Мартин явно готовился к нашему приезду. Выход на задний дворик, где шезлонги ждут под пальмами. Гостевой санузел чистый, с мозаикой в испанском стиле. Рядом кабинет Мартина, стол завален чертежами, ноутбук мигает, модели домов на полках. А напротив их с мамой большая мастер-спальня, с кроватью под балдахином и дверью на балкон.

Светлая деревянная лестница вилась вверх, скрипя под ногами. На втором этаже спальни. Три небольшие, но такие уютные: белые шторы, комоды, кровати с мягкими пледами. Моя с окном на море, волны шумят как колыбельная. Амели

выбрала комнату с видом на сад. Ванная общая, с большой ванной и душистым гелем.

Мы с мамой тащили сумки, Амели носилась, трогая всё руками. «Это наш дворец!» — пищала она. Мартин нёс тяжёлое: «Располагайтесь, это ваш дом теперь». Мама обняла его, глаза блестят. Я стояла на лестнице, вдыхая воздух, смесь моря и дерева. Впервые за годы почувствовала: здесь можно дышать свободно. Но в глубине души шевельнулось сомнение: надолго ли?

Это сомнение было вызвано тем, что у Мартина есть сын от первого брака — Николас Гарсия. Он приедет через пару дней. Учится в Нью-Йорке, на архитектурном факультете престижного университета. На свадьбе его не было — экзамен, который нельзя было пропустить. Позже он приехал поздравить родителей, но я отсутствовала из-за школьной поездки на «день воспоминаний». Последний год школы, вечер у костра в лесном лагере. Мы делились историями, смотрели на огонь, и я ощущала, как детство уходит безвозвратно.

Николас старше меня на пять лет, ему двадцать три. Я видела только фото: высокий, с тёмными волосами, татуировками и взглядом, в котором читается характер отца, но с собственной глубиной. Мама говорила: «Он талантливый, вы найдёте общий язык». Но что подумает он обо мне — падчерице, вторгшейся в их семью? Восемнадцать лет, только школа за плечами, полная неопределённости. Лежа в новой комнате под шум моря, я размышляла: его приезд может

укрепить этот дом или нарушить равновесие.

Мартин построил этот дом специально для летних каникул у моря — его проект, воплощённый в белых стенах и шуме волн. Каждый угол здесь дышит его идеями: открытые пространства, свет, гармония с природой. «Это место для отдыха и размышлений», — говорил он на свадьбе.

Кто знает, что может произойти за эти несколько месяцев. Я только что закончила школу, впереди университет, новая жизнь. Николас приедет, и мы наконец встретимся. Мама и Мартин строят семью, Амели привыкает к отчиму. А я? Чувствую себя на пороге чего-то большого — перемен, открытий или разочарований. Лето у моря обещает покой.

Стоя у окна спальни, я смотрела, как солнце садится в воду. Воздух солёный, ветер треплет волосы. Время покажет.

Через пару часов мама и Мартин собрались в магазин, так как мама решила устроить шикарный ужин в честь приезда. «Паэлья, салаты, вино — всё как полагается!» — заявила она. Мартин приехал сюда за пару дней раньше, чтобы подготовить дом, разобрать свои рабочие дела, но холодильник так и стоял пустым с момента покупки. Ни фруктов, ни мяса, только бутылка оливкового масла и пара бананов.

За это время я разобрала свои вещи: повесила одежду в шкаф, разложила косметику на полке в ванной. Потом помогла сестрёнке Амели. Её спальня была в мягких розовых тонах: светлые шторы, плед с цветочками, идеально для детской. Мы вместе расставили игрушки на полки: зайчика на

кровать, кукол в ряд, конструктор в коробку. Книжки про принцесс и сказки — на стеллаж. Амели сияла: «Теперь как дома!»

Сидя на её кровати, я смотрела на сад в окно. Мама и Мартин уехали, тишина окутала дом. Время подумать: о Николасе, о лете, о том, кем я стану. Холодильник пуст, как и мои планы на будущее.

За ужином на террасе, под гирляндой лампочек и шумом волн, Мартин рассказывал шутки: лёгкие, без пошлости, про свои архитектурные промахи в молодости. Параллельно он то и дело восхищался едой: «Клара, эта паэлья — шедевр! Ты волшебница!» Мама краснела, отмахивалась. Амели хотела громче всех, хлопая в ладоши. Мартин ей явно нравился, она уже звала его «папа Мартин» вполголоса. Атмосфера была тёплой, семейной, от вина и свечей.

Я ковыряла рис, думая о своём: о Николасе, о пустом будущем. Пока Мартин не повернулся ко мне:

— Ты всё ещё не решила, куда поступать?

Я подняла взгляд, проглотила кусок.

— Выбираю между несколькими направлениями — искусство, дизайн, может, психология. Но что нравится больше... ещё не поняла. Думаю, за год определюсь и подготовлюсь.

Он кивнул, отпивая вино.

— Жаль, конечно, что в этом году мест так мало на поступление. Конкуренция бешеная. Но ты не переживай! —

Мартин нежно улыбнулся, по-отечески. — Зато будешь уверена в выборе. Спешка — плохой советчик.

— Да... Наверное, ты прав, Мартин, — ответила я тихо. Его слова грели, но сомнения не ушли. Амели зевнула, мама начала убирать тарелки. Ужин закончился, а разговоры нет. В голове крутилось: год на раздумья — это шанс или отсрочка?

Мы просидели с Мартином до глубокой ночи на террасе. Звёзды над морем, лёгкий ветер, бокалы с вином почти пустые. Разговаривали об университетах, направлениях, лучших городах для поступления. Он показывал сайты топовых вузов в Барселоне, Мадриде, даже в Нью-Йорке, где учится Николас. Мы в буквальном смысле облазили весь интернет: читали отзывы, смотрели программы, сравнивали стипендии.

— Дизайн интерьеров — это искусство и практика, — говорил Мартин. — Ты творческая, как твоя мама.

В итоге решили, что пойти по стопам мамы — лучшее решение. Она сможет помочь с портфолио, поделиться опытом. А Мартин обещал контакты, стажировки: «работой не обделю». Дизайнер интерьеров... Не так уж плохо. Стабильно, творчески, рядом с семьёй. Но внутри шевельнулось: это мой выбор или их?

— Думаю, пора отдохнуть... — Мартин зевнул первым. — Спокойной ночи. Завтра подумаем о заявках.

Я кивнула, глядя на тёмное море: волны светились под лу-

ной, ветер шептал в пальмах. Ночь прошла довольно спокойно. После разговора с Мартином я легла, но сон не шёл сразу. Мысли кружили кругом: университеты, дизайн, его слова «сaгiño, ты справишься». В итоге уснула крепко, практически не просыпалась, только раз разбудил далёкий лай собак из деревни.

Утро ворвалось в комнату солнечным светом через шторы. Море сверкало за окном, волны шумели ритмично. Я ещё дремала, когда кровать резко дёрнулась от прыжка. Матрас прогнулся, простыня сбилась в ком. Открыв глаза, я увидела Амели. С растрёпанными кудрями, румяными щеками, улыбка от уха до уха.

— Вставай, соня! — закричала она, вцепившись в край простыни и потянув с такой силой, что я чуть не скатилась. — Мы идём купаться на море! Папа Мартин уже завтрак готовит!

— Семь утра! — простонала я, нашаривая телефон на тумбочке. Экран мигнул: 7:03. — Амели, вы все с ума сошли! Дайте поспать хотя бы до восьми.

Она не унималась, прыгая на месте, пижама с мишками болталась на ней.

— Нет, нет, сейчас! Море зовёт!

В этот момент дверь распахнулась с грохотом, и в комнату влетела мама — в ярком купальнике с цветочным принтом, парео развевается, волосы собраны в небрежный пучок. В руках корзина с полотенцами и кремом для загара.

— Подъём, chicas! — скомандовала она, её голос звенел от возбуждения. — Николас приедет раньше, чем планировали, к обеду. Так что утро наше: купаемся, загораем, а вечером ресторан. Семейный ужин! Наконец-то все вместе соберёмся.

Амели завизжала от восторга, запрыгала по моей кровати, чуть не снеся лампу. Мама рассмеялась, подмигнула. Я села, потирая глаза, сердце заколотилось чаще. Николас? Раньше? Сегодня? Вчерашний разговор с Мартином всплыл в памяти: Нью-Йорк, архитектура, его фото с той уверенной улыбкой. Что он подумает обо мне, девчонке из другой жизни, вторгшейся в их мир? Волнение кольнуло в груди, смешавшись со страхом: вдруг не сойдёмся? Или, наоборот...

Из кухни донёсся запах кофе и тостов, Мартин уже звенел посудой. Амели стащила простыню окончательно, хихикая.

— Быстрее, или я тебя за волосы потащу!

Я вздохнула, вставая. Надела купальник, схватила полотенце.

— Ладно, пошли, — ответила я. Время встречать день.

Море в Испании и правда невероятное: бирюзовое, прозрачное, с лёгким шелестом волн, которые лижут мелкий песок. Мы провели на пляже нашего дворика несколько часов. Амели плескалась в воде с надувными игрушками, подаренными Мартином. Она визжала от восторга, ныряя и выныривая, вода стекала с её кудрей.

Мама облилась маслом для загара и растянулась на шез-

лонге, наслаждаясь солнцем. «Это рай, chicas!» — бормотала она, листая журнал. Мартин чинил зонтик неподалёку, напевая что-то испанское. Я же, наконец-то дочитала книгу, которую начала ещё в начале года. Сидела в тени пальмы, страницы шелестели на ветру, солнце грело кожу, соль оседала на губах. Идеальный момент, но мысли то и дело уносились к сводному брату. Книга закончилась, а моя история только начиналась. Честно признаюсь, Николас был довольно привлекательным. Привлекательным? Нет, не то слово. Он невероятно сексуален на тех фото, которые показывал Мартин. Широкие плечи, тёмные волосы, взгляд, который проникает под кожу, огромное количество разных татуировок. Но стоило этой мысли всплыть, как я сразу гнала её прочь. «Мы теперь родня», — повторяла себе, краснея. Падчерица и пасынок — это же табу. Или нет? Сердце всё равно стучало чаще при упоминании его имени.

Весь оставшийся день я помогала маме разбирать вещи и наводить уют. Расставляли посуду в кухне, развешивали картины на стенах, чистили полки от пыли. Амели мешала, таща игрушки, Мартин чинил полку в кабинете.

— Скоро все будет идеально, — говорила мама, вытирая пот со лба. Я кивала, но внутри нарастало предвкушение и тревога.

Ближе к вечеру, когда солнце клонилось к закату, с улицы донёсся шум мотора и шуршание шин по гравию.

— А вот и Николас приехал! — мама радостно взвизг-

нула, бросив тряпку и побежав открывать дверь встречать «своего сына». Мартин улыбнулся, Амели подбежала к окну. А я замерла в гостиной, глядя на вход. Дверь распахнулась и вот он. Реальный. Высокий, загорелый, с дорожной сумкой через плечо. Взгляд скользнул по дому и остановился на мне.

— Привет, — сказал он тихо, с лёгким акцентом. Я сглотнула.

— Поднимайся в свою комнату, дорогой, — мама ещё раз крепко обняла младшего Гарсия, её глаза сияли. — Отдохни немного с дороги, а мы пойдём собираться на ужин.

Она поторопила Амели: «Идём, поможешь выбрать платье!» — и они убежали в спальню, оставив эхо шагов. Мартин хлопнул сына по плечу и тоже ушёл готовить машину.

Я последовала их примеру, и быстро скрылась на втором этаже. Сердце колотилось, щёки горели. Взгляд Николаса... Он задержался на мне дольше, чем нужно. Тёмный, изучающий, с намёком на улыбку. Смущал до дрожи. «Мы родня», — напомнила я себе, взлетая по лестнице. Закрыла дверь комнаты, прижалась спиной к стене. Дыхание выровнялось не сразу. Он здесь, в доме. Рядом. Ужин ждёт и первый настоящий разговор. Что сказать? Как смотреть? Зеркало отразило моё покрасневшее лицо. Соберись. Снизу донёсся его голос, низкий, с акцентом, что-то про Нью-Йорк. Я сглотнула. Лето только начиналось.

Все собрались в гостиной через полчаса, когда солнце уже садилось, окрашивая небо в оранжевые и розовые тона. Ма-

ма вышла первой, в лёгком летнем платье с открытыми плечами, волосы уложены волнами, на губах улыбка, полная предвкушения этого первого семейного ужина. Амели крутилась рядом в новом платье с рюшами, подаренном Мартином, её глаза блестели от восторга, а она то и дело поправляла бантик в волосах, спрашивая всех: «Я красивая?»

Я надела простое чёрное платье до середины бедра, которое подчёркивало загар, накрасилась слегка, но внутри всё трепетало, особенно когда подумала о Николасе, который спустился последним, свежий после душа, в белой рубашке с закатанными рукавами и тёмных брюках, от него пахло одеколоном с нотками моря и сандала.

Николас предложил поехать в город на своей машине, чтобы не тесниться в одной, и Мартин, подумав, кивнул, согласившись, что так удобнее для всех. Ник уехал первым, мы последовали через пару минут на машине Мартина, дорога вилась вдоль побережья, огни зажигались один за другим, радио тихо играло испанские баллады, Амели болтала без умолку о пляже, а я смотрела в окно, предвкушая вечер и волнуясь от мыслей о нём.

Ресторан в центре городка оказался уютным местечком у порта, с террасой над водой, где гирлянды лампочек переливались, отражаясь в волнах, столы накрыты белыми скатертями, воздух пропитан запахами свежих морепродуктов, паэлья и вина, официанты в белых рубашках сновали с подносами, а из динамиков лилась живая гитара с фламенко.

Мы заняли угловой столик с видом на яхты, заказали ассорти из тапас, жареные кальмары, салат с креветками и бутылку красного из Риохи, и поначалу всё шло идеально — смех, тосты за семью, Амели уплетала креветки, мама делилась историями о свадьбе.

Мартин поднял бокал первым, его голос звучал тепло и уверенно.

— За нашу семью — новую, но крепкую, за лето вместе и за всех нас!

И мы чокнулись, стекло звякнуло, вино оказалось бархатистым, но тут Николас, откинувшись на стуле с той своей полуулыбкой, добавил шутливо, но с остринкой:

— Да, за семью... Только интересно, сколько она продержится на этот раз, папа? Твои предыдущие рекорды не вдохновляют.

Шутка повисла в воздухе, как гром среди ясного неба, мама замерла с бокалом у губ, Амели перестала жевать, а Мартин побледнел, его глаза сузились. Было видно, как он сжал челюсти, стараясь сохранить лицо перед нами.

— Николас, это не место для таких шуток, — произнёс Мартин тихо, но твёрдо, голос напряжённый, как струна. — Мы здесь празднуем, а не копаемся в прошлом.

Сын усмехнулся, но в глазах мелькнула горечь.

— Просто реализм, папа, после твоих двух разводов. Не хочу, чтобы Клара пострадала.

Слова ударили, мама опустила взгляд, я почувствовала,

как воздух сгустился, Амели пискнула: «Не ругайтесь!», а Мартин резко отодвинул стул, лицо покраснело от сдерживаемого гнева.

— Ты ничего не понимаешь, сынок, вырос в эгоиста за океаном! — и Николас, не говоря ни слова, встал, бросил салфетку на стол и ушёл, его шаги эхом отдавались по террасе, а через минуту мы слышали рёв мотора его машины, удаляющегося в ночь.

Мама вздохнула, пытаясь разрядить обстановку: «Он просто устал с дороги», но напряжение осталось висеть, как дым от сигарет за соседним столиком, и ужин продолжился в тишине, прерываемой только звоном вилок, пока я думала: вот оно, начало — трещина в идеальной картине семьи.

Дорога до дома прошла в том же неловком напряжении, которое повисло после ссоры. Машина Мартина мчалась по темной прибрежной дороге, фары выхватывали куски асфальта и редкие пальмы, радио молчало, Амели задремала на заднем сиденье, прижавшись ко мне, мама изредка старалась разрядить тишину фразами вроде «Завтра всё наладится, он просто устал», но её голос звучал неубедительно, а Мартин сжимал руль так сильно, что костяшки побелели, не говоря ни слова, пока мы не подъехали к дому, где огни двора казались одинокими в ночи.

Едва мы зашли в дом, Мартин молча направился в свой кабинет, дверь хлопнула чуть громче обычного, мама, бросив сумочку на стол, поспешила за ним, ее шаги отдавались

эхом по коридору. За дверью сразу слышались голоса, его тяжёлый, полный раздражения тон, чередующийся нежными уговорами мамы, которая говорила тихо, успокаивающе: «Милый, не надо так, он твой сын, просто переживает за тебя». Мартин говорил громче: «Я вырастил неблагодарного эгоиста, Клара, он всегда был таким! Испортил весь вечер, весь отпуск своим характером, как будто я ему враг!»

Я помогла Амели улечься спать, она сонно обняла зайчика, пробормотала «Спокойной ночи, сестрёнка», и я поцеловала ее в лоб, выключив свет в ее розовой комнате, а потом сама направилась в ванную, чтобы смыть с себя все негативы. Горячая вода полилась из душа, пар заполнил зеркало, я стояла под струями, чувствуя, как соль моря и напряжение дня стекают по коже вместе с пеной, но мысли не уходили. Конечно, все знали о прошлых браках Мартина, несколько неудачных случаев, разводов, боль, которую он прятал за улыбку, и Николаса можно понять, что его сарказм был связан, эхом старой раны, не за столом же с ребёнком и новой женой. Может, Николас и не такой идеальный, как мне казалось...

Эта ночь оказалась жаркой. Воздух пропитался солью моря и теплом, которое не спадало даже после полуночи, и я проснулась от сухости во рту, заметив, что стакан на тумбочке пустой, капли розовых осели на стекле из открытого окна. Взяла его в руки, тихонько поднялась с кровати босиком, пол охлаждал ступни, и осторожно направилась к двери, ста-

раясь не скрипнуть половицами, чтобы не разбудить Амели в соседней комнате. Выйдя в коридор, увидела, что дверь в комнату Николаса приоткрыта, внутри всё так же аккуратно: заправленная кровать, его сумка с вещами лежит на стуле, одежда сложена. Он ещё не вернулся?

Я спустилась на первый этаж, осторожно ступая по лестнице, направляясь к кухне, где на столе стоял кувшин с водой, отбрасывая тени в лунный свет из окна. В этот момент с улицы послышался знакомый шум двигателя. На пороге появился Николас: волосы растрёпаны, рубашка наполовину расстёгнута, обнажающая татуировки на груди. Он прошёл мимо кухни, не заметив меня в тени, видимо, слишком погружённый в своих мыслях, и сразу направился наверх по лестнице. Я услышала, как он зашёл в ванную, дверь закрылась, вода зашумела в душе. Воспользовавшись моментом, быстро налила стакан воды из кувшина, лёд тихо звякнул, и поспешила обратно, стараясь не шуметь.

Стоило мне подняться на второй этаж и потянуть руку к дверной ручке своей комнаты, как дверь ванной резко открылась, и из нее вылетел он. Мокрые волосы, полотенце на бёдрах, вода ещё стекает по плечам. Мы замерли, уставившись друг на друга в коридоре, освещённом лишь ночью.

— О, ты чего не спишь? — спросил он неуверенно, хрипловатым голосом, с лёгким акцентом, видимо, не ожидал увидеть меня, его взгляд скользнул по лицу, потом на стакан в руке.

Я молча показала стакан с водой, прокрутила ручку двери и скрылась в комнате, сердце колотилось, как после бега. Он повернулся и тоже нырнул в свою комнату, дверь тихо щёлкнула. Я легла в кровать, уставившись в потолок, и в мыслях сразу всплыл его образ. Этот взгляд — пронизывающий, чуть затуманенный, кажется, он был немного пьян, от него веяло виски и солью. Образ не отпускал долго, кружил в голове, пока веки кружили не отяжелели, и я не превратилась в сон, полный смутных снов о море и нем.

Проснулась я от легкого прикосновения к лицу. Моя кровать стоит у окна, которое я открыла ночью, штора слегка покачивалась от утреннего ветра, солнечные лучи падали на подушку, теплые и золотистые, а из сада донесся визг Амели. Поднявшись и выглянув в окно, я заметил сестру, плескающуюся в маленьком бассейне во двореке. Она брызгалась водой, смеясь, надувной круг болтался рядом, мама сидела на краю, потягивая кофе из кружки. Сегодняшний день был не таким спокойным, как вчера. Волны вздымались выше, пенясь о камни с рёвом, наверное, поэтому они и отдыхали в уютном бассейне, а не на пляже. Воздух пах хлоркой и цветами, день обещал жару.

Я зашла под прохладный душ, и тело мгновенно расслабилось от струй воды, которые стекали по коже, смывая остатки сна и ночных мыслей, ноги коснулись мягкого коврика в ванне, и я потянулся за полотенцем, висевшим на крючке, как дверь в ванную резко распахнулась с громким скри-

пом. Я схватила за полотенце, крепко прижав его к себе, вода капала на пол, сердце заколотилось от неожиданности, в дверях застыл Николас с полотенцем в руках, его взгляд приковался ко мне на слишком долгую секунду, и мне стало некомфортно от этого молчаливого напряжения, от того, как его глаза скользнули по моим влажным волосам и плечам.

— Стучаться не учили? — я начала первой, стараясь скрыть смущение.

— На двери есть замок, тебя научить им пользоваться? — ответил он спокойно, но с сарказмом в голосе, прислонившись к косяку.

— Я закрывала, — возразила я, чувствуя, как щёки горят и рука крепче сжимает полотенце.

— Проверь откуда у тебя растут руки.

Он ещё раз посмотрел на меня долгим взглядом, полным чего-то неуловимого и вышел, громко хлопнув дверью так, что эхо разнеслось по коридору, а я стояла, прислушиваясь к его удаленным шагам.

К тому моменту, как я привела себя в порядок, вытерлась полотенцем, распутала мокрые волосы и надела длинную футболку, чувствуя, как кожа ещё хранит прохладу души, напряжение от стычки в ванной не отпускало, оно пульсировало в висках вместе с воспоминанием о его взгляде и хлопке двери, но я спустилась на первый этаж, где уже собралась вся семья за завтраком за исключением Николаса, что было мне даже на руку, потому что ещё одна встреча с

ним прямо сейчас могла бы окончательно вывести из равновесия. Мартин подозвал меня рукой к столу с теплой улыбкой, его голос прозвучал по-отечески мягко: «Сариño, садись, кофе готов, и твои любимые фрукты нарезал», и я села, благодарно кивнув, передо мной стояла дымящаяся чашка эспresso с пенкой, миска с манго, папайей и клубникой, пропитанной йогуртом, аромат кофе смешался с запахом свежей выпечки и моря, проникающего через открытые окна. Амели уже уплетала кашу, её ложка звякала о миску, волосы всё ещё мокрые после бассейна свисали сосульками, капли воды падали на стол, она болтала без умолку о том, как «фламинго чуть не лопнул от прыжков», а мама, сидя напротив в халате, наливала себе сок и весело поддакивала, явно стараясь создать атмосферу уюта после вчерашней ссоры.

Я отхлебнула кофе, чувствуя, как горечь будит мысли, и украдкой оглядела стол, ожидая, когда спустится Николас, но его шаги не раздались сверху, и это давало передышку, позволяло сосредоточиться на еде и разговоре, который Мартин завёл о планах на день: прогулка в город, рынок с морепродуктами, может, даже экскурсия на яхте, если волны утихнут. Амели тут же вскинулась, требуя мороженое заранее, мама засмеялась, а я кивала, жуя сладкий манго, но внутри всё кипело от недавнего инцидента, от вопроса, почему он не постучал, или это я забыла замок, и от того, как его взгляд задержался на мне дольше положенного, заставив сердце сбиться с ритма. Мартин заметил мою задумчивость

и спросил заботливо: «Всё хорошо? Ты какая-то тихая сегодня», я улыбнулась через силу, пробормотав что-то о хорошем сне у моря, и перевела тему на бассейн, чтобы не вдаваться в детали, пока Амели не фыркнула кашей от смеха над своей же шуткой. Николас так и не появился, его тарелка стояла нетронутой, и это висело в воздухе невысказанным вопросом, добавляя завтраку лёгкую тень, но семья продолжала болтать, солнце поднималось выше, обещая жаркий день, полный новых неожиданностей.

Николас появился только к вечеру, когда солнце уже клонилось к горизонту, а мы как раз возвращались с рынка, нагруженные сумками с свежими креветками, персиками и бутылками сангрии, которые Мартин заранее просил купить для ужина. Оказалось, Николас ушёл ещё утром, не сказав никому ни слова, просто хлопнул дверью своего автомобиля и исчез, пока мы болтали за столом, и Мартин заметил его отсутствие только к обеду, когда начал звонить, но телефон был выключен, что сразу настроило его на воинственный лад. Едва Николас переступил порог, как Мартин выскочил из кабинета, его голос прогремел по дому, полный сдержанного гнева, и они ушли туда вместе, дверь закрылась неплотно, так что крики разнеслись по коридору, заставив маму замереть с сумкой в руках, а Амели прижаться ко мне с испуганными глазами.

Они громко ругались в кабинете, слова летели как искры, Мартин обвинял сына в эгоизме и в том, что он испортил

весь день, который семья хотела провести вместе, вспоминая вчерашнюю ссору в ресторане и сегодняшние планы на прогулку, где мы могли бы наконец-то сблизиться, а Николас отвечал резко, с той же саркастичной интонацией, мол, не нужно навязывать «семейные» посиделки, когда всё только начинается и трещит по швам, что он взрослый и имеет право на своё пространство после перелёта из Нью-Йорка, а не изображать счастливого пасынка ради отца, который сам не раз рушил семьи. Мама шепнула мне, чтобы я увела Амали наверх и дала им выговориться, её лицо побледнело от волнения, она всё ещё надеялась помирить их за ужином, но я слышала, как Мартин повышал голос, называя Николаса неблагодарным и упрямым, а тот в ответ бросал что-то о повторении старых ошибок, и воздух в доме сгустился от напряжения, словно перед грозой, пока я вела сестру в её комнату, усаживая с книгой и обещая, что всё уляжется, хотя сама не верила в это, думая о его взгляде утром в ванной и о том, как эта ссора только отдаляет нас всех друг от друга.

После ссоры я стояла у окна своей комнаты, глядя, как сумерки опускаются на море, волны бились о камни с глухим рёвом, и размышляла, сколько ещё этот дом выдержит таких взрывов, ведь Мартин искренне хочет единства, а Николас явно несёт груз прошлого. Мама позже позвала всех к столу, надеясь на перемирие, но кабинет всё ещё был закрыт, голоса стихли до шёпота, и вечер обещал быть долгим.

Через какое-то время они всё-таки вышли из кабинета,

лица у обоих напряжённые, Мартин сжимал кулаки, а Николас смотрел в пол, но едва дверь открылась, он сразу вылетел на улицу, не сказав ни слова, его шаги загрохотали по гравию, мотор взревел через секунду, и фары машины осветили двор, удаляясь в сумерки вдоль побережья, оставив за собой только пыль и тишину. Мартин тяжело вздохнул, повернувшись к нам с мамой и Амели, которые ждали в гостиной, и извинился за эту ситуацию хриплым голосом, полным усталости, его глаза были красными, словно от сдержанных слёз, «Простите, семейные дела иногда выходят из-под контроля, но я не хотел портить вечер», после чего сел с нами ужинать, придвинув стул к столу, где уже остывали тарелки с паэльей и салатом, хотя от него исходило раздражение, которое он старался подавить, наливая себе вино большими глотками и кивая на наши попытки разговорить его вопросами о рынке. Мама смотрела на него с нежностью, поглаживая по руке, и вскоре предложила выйти прогуляться вдоль пляжа, чтобы «подышать свежим воздухом и остыть», он согласился, благодарно сжав её пальцы, и они ушли, их силуэты растворились в полумраке, пока мы с Амели остались одни в уютной гостиной, где я включила мультфильм на большом телевизоре, яркие краски заплясали по стенам, выбрала что-то весёлое про животных, чтобы отвлечь сестру от недавнего напряжения, взяла из кухни миску с чипсами, мармеладом и печеньем, устроились на диване под пледом, Амели прижалась ко мне, хихикая над экраном, её голова на моём плече

пахла бассейном и шампунем, и мы отдыхали так до позднего вечера, пока за окном шумело море, а в голове крутились мысли о том, как эта семья пытается сшиться из разных лоскутов, и сколько ещё ниток лопнет.

Амели заснула под конец мультфильма, свернувшись калачиком с остатками мармелада в руке, я осторожно перенесла её в комнату, укрыла одеялом, а потом вернулась в гостиную, выключила телевизор и просто сидела в тишине, слушая, как тикают часы и накатывают волны, размышляя о Николасе, который снова сбежал, о Мартине, чьё раздражение прорывается сквозь доброту, и о маме, которая играет миротворца. Может, утро принесёт перемирие, или всё только накаляется? Лето казалось бесконечным, но уже трещало по швам.

Утро следующего дня ворвалось в дом ярким солнцем, которое лилось через открытые окна золотыми потоками, разгоняя ночную прохладу и наполняя воздух запахом соли с моря, смешанным с ароматом свежесваренного кофе и поджаренных тостов, доносящихся с кухни, где мама уже хлопотала, напевая что-то тихонько под нос, чтобы стряхнуть вчерашнее напряжение. Я проснулась от этого шума и смеха Амели, который эхом разносился снизу, потянулась в постели, чувствуя приятную лень в теле после глубокого сна без сновидений, быстро умылась холодной водой и спустилась по лестнице босиком, ступая осторожно по прохладному дереву, чтобы не потревожить тишину, которая ещё вита-

ла в доме после всех вчерашних событий с ссорами и побегом Николаса. Вся семья уже собралась за столом на террасе, за исключением его, конечно, что меня даже немного обрадовало, потому что воспоминание о стычке в ванной и его долгим взгляде всё ещё жгло внутри, усиливая неловкость, а Мартин, сидя во главе стола с кружкой в руке, подозвал меня тёплым жестом и мягким «Buenos días, mi requeña», подвинув стул и указав на дымящуюся чашку эспresso с пенкой и тарелку с любимыми фруктами, нарезанными аккуратными дольками, манго блестело от сока, папайя источала сладость, а клубника лежала горкой рядом с йогуртом.

Николаса не было, его комната пустовала, машина не стояла у ворот, и мама тихо шепнула мне, что он уехал ещё на рассвете, не сказав куда, после той ночной ссоры в кабинете, а Мартин только отмахнулся, пробормотав что-то о самостоятельном парне, который вернётся, когда остынет, хотя в голосе чувствовалась горечь, которую он прятал за заботой о нас. Мы ели неспешно, болтая о планах на день.

После завтрака Мартин встал, поцеловал маму в макушку и ушёл в кабинет разбираться с чертежами нового проекта, а мы с Амели и мамой перебрались к бассейну, разложив полотенца и крем от загара, море сегодня волновалось сильнее, с белыми барашками на гребнях, так что бассейн выглядел идеальным убежищем. Амели тут же нырнула с визгом, брызги полетели во все стороны, мама растянулась на шезлонге с журналом, а я взяла книгу, но мысли то и дело воз-

вращались к Николасу, к его резким словам вчера, к тому, как он хлопнул дверью в ванной, и я поймала себя на том, что жду звука мотора больше, чем хотелось бы признать.

Весь день прошёл успешно, солнце палило немилосердно, но бриз с моря спасал от жары, пока мы с Мартином продолжали выбирать институт и подготовительные курсы за столом на террасе, обсуждая программы дизайна интерьеров с той же сосредоточенностью, что и в первую ночь, а мама поддерживала выбор дизайнера, достала свои первые работы ещё со времён учёбы. Потрёпанные эскизы в старом альбоме с набросками комнат и тканей, которые она показывала с гордостью, обещая всегда помочь мне с портфолио и первыми заказами, её глаза блестели от воспоминаний о тех студенческих годах, когда она сама боролась с сомнениями.

Николас приехал после обеда, его машина зарычала у ворот, но он даже не зашёл к нам, молча кивнул Мартину и сразу закрылся в своей комнате наверху, дверь хлопнула тихо, но выразительно, оставив после себя лёгкую тень в воздухе, хотя Мартин только вздохнул и вернулся к планшету, бормоча что-то о «время нужно всем».

Вечером мы все втроем готовили ужин на кухне, которая превратилась в хаос из кастрюль и специй, мама резала креветки для паэлья, Мартин жарил chorizo с улыбкой, рассказывая анекдоты из своей архитектурной молодости, а я мешала рис, и мы громко смеялись над тем, как Амели пыталась «помочь», размахивая ложкой и пачкая лицо соусом,

пока в дверях не появился Николас, свежий после душа, в простой футболке и шортах, волосы ещё влажные, но вместо того чтобы присоединиться, он пробормотал что-то о делах и сразу пошёл к выходу, его шаги эхом отозвались в коридоре. Куда он постоянно уходит? У него здесь девушка или просто привык бродить один, как волк, избегая этой семьи, которая пытается его приручить? Мартин недовольно вздохнул, но натянул улыбку, пожав плечами, и мы продолжили, хотя его раздражение повисло в воздухе, как недосказанное слово.

Мы долго сидели на террасе, разговаривая обо всём подряд, о смешных случаях из детства Амели, о том, как мама встретила Мартина на том ивенте, и вино лилось рекой, размывая края напряжения, пока не стемнело окончательно, звёзды зажглись над морем, и все разошлись по комнатам. Амели давно спала, свернувшись с зайчиком, родители ушли в свою спальню, шепчась тихо за дверью. Я ворочалась в кровати долгое время, простыни сбивались от жары, мысли путались между планами на универ, ссорами в доме и образом Николаса из ванной, на часах уже давно было за полночь, и я достала спрятанные под матрас сигареты, тихо вышла во двор босиком, ступая по прохладному кафелю, села на ступеньку, ведущую к морю, где песок сразу зарылся между пальцами ног, холодный и влажный от прилива. Подошла к сигарете, затянулась, глядя на гладь моря, которая чернела под луной с редкими бликами волн, дым смешивался с солёным воздухом, успокаивая нервы.

Сзади послышался шум гравия под ногами, я испугалась, быстро спрятала сигарету, сердце заколотилось, и буквально в нескольких сантиметрах от меня стоял Николас, его силуэт вырисовывался в полумраке, лицо уставшее, глаза с тенями под ними, волосы взъерошены, от него пахло морем и чем-то металлическим, как после долгой прогулки.

— Ты не слишком маленькая для сигарет? — спросил он с лёгкой усмешкой, голос низкий и хриплый от усталости, сел рядом на ступеньку так близко, что тепло его тела ощущалось сквозь тонкую футболку, забрал сигарету из моих рук, сделал глубокую затяжку, от этого касания к моей руке по телу пробежала дрожь, как электрический разряд, и я сглотнула, глядя на его профиль в лунном свете.

— Почему не спишь? — продолжил он, глядя в даль на море, дым вырвался из его рта кольцами, растворяясь в ночи.

— Не знаю, — ответила я честно, пожав плечами, и мы сидели молча несколько минут, только волны шумели и сигарета тлела, пока он не взял ещё одну из моей пачки, прикурив от зажигалки, огонь осветил его лицо с лёгкой щетиной.

— Ты учишься на архитектора? — спросила я, чтобы прервать тишину, глядя на его руки с татуировками. Он кивнул медленно, выдыхая дым в сторону моря.

— Ты не похож на архитектора, — добавила я, немного замаявшись, потому что в голове крутились стереотипы о людях в костюмах с линейками, а не о нём с его бунтарским видом.

— Потому что это отец решил, что я должен им стать, это одна из главных причин, почему я так к нему отношусь, он далеко не такой мягкий, как вы его видите, — ответил он тихо, с горечью в голосе, затянулся снова, и в его словах сквозила усталость от давнего груза, который он тащит годами.

Мы опять просидели в тишине несколько минут, плечо к плечу, море шептало внизу, и он вдруг встал со своего места.

— Не говори никому про сигареты, — попросила я, посмотрев на него снизу вверх, чувствуя, как сердце стучит.

— Не скажу, — улыбнулся он уголком рта, сделал ещё одну затяжку, бросил окуроч в песок и потушил носком кроссовка, — Но с тебя желание.

Подмигнул мне игриво, развернулся и ушёл в дом, его силуэт растворился в темноте, оставив меня сидеть с дрожью в пальцах и мыслями, которые теперь не отпускали до утра.

С этого момента прошло несколько дней, обстановка в доме всё ещё оставалась напряжённой, как натянутая струна, готовая лопнуть от малейшего прикосновения, ведь Николас стал появляться дома чаще, чем раньше, приходил к обеду или вечеру, молча брал еду из холодильника и уходил в свою комнату, избегая общих трапез и разговоров с отцом, чьё лицо мрачнело при каждом звуке мотора его машины, хотя Мартин старался держать себя в руках, переключаясь на работу или шутки с Амели.

Вечером мама и Мартин объявили за ужином, что его давние друзья позвали в гости на новоселье в соседний городок,

их голоса звучали приподнято, с ноткой облегчения от перспективы смены обстановки, Амели тут же начала умолять взять её с собой, топая ножками и строя глазки, и Мартин конечно согласился не колеблясь, сказав с улыбкой, что там будет мальчишка её возраста, с которым она сможет поиграть в саду, пока взрослые болтают, и она завизжала от восторга, обнимая его за шею.

Утром они уехали рано, солнце только взошло, машина умчалась с хрустом гравия, оставив дом в тишине, нарушаемой лишь шумом волн, и Мартин перед отъездом незаметно сунул мне в руку пачку денег, прикрыв ладонью от глаз мамы, шепнув тихо с отеческой заботой, что я на отдыхе и готовить незачем, лучше закажу доставку пиццы или суши, чтобы провести день в лени, а не у плиты, его глаза на миг смягчились, словно этот жест был его способом сказать, что всё наладится.

Весь день я провела за ноутбуком на террасе и листком бумаги, расстелив перед собой чистые листы и карандаши, решив попробовать, есть ли у меня способности к дизайну, о котором все говорят, нарисовала пару эскизов комнаты с видом на море, вдохновившись домом Мартина, потом ещё один с мягким диваном у окна, но линии выходили неровными, цвета в голове не складывались в гармонию, и я то и дело стирала, спрашивая себя, есть ли вообще смысл поступать на эту специальность.

Ближе к вечеру, когда солнце клонилось к закату, внизу

хлопнула входная дверь и послышались голоса, два низких мужских, один знакомый с лёгким акцентом Николаса, другой звонче и веселее, с нотками испанского солнца в интонациях, я тихо спустилась по лестнице босиком, ступая осторожно по дереву, чтобы не выдать себя, сердце почему-то ускорилося от любопытства, и я выглянула из-за перил. Николас стоял на кухне, доставал пиво из холодильника и что-то нарезал на доске, сосредоточенный, в простой белой футболке, облегающей плечи, а на диване в гостиной сидел парень, его друг наверное, с короткими тёмными волосами, загорелой кожей и расслабленной улыбкой, который сразу меня заметил, приподнимаясь на локте и поворачиваясь всем телом.

— О, привет, — сказал он дружелюбно, голос тёплый и уверенный, глаза весело блеснули. — Ты Дженнифер?

Я неуверенно кивнула, чувствуя, как щёки теплеют от неожиданности.

— Привет, — переминаясь с ноги на ногу на лестнице, не зная, выйти полностью или остаться в тени.

Услышав мой голос, Николас резко развернулся от плиты, его взгляд на секунду задержался на мне, тёмный и изучающий, как в те ночи, но без вчерашней мягкости, брови слегка сдвинулись.

— Ты заказала доставку? — спросил он спокойно, вытирая руки о кухонное полотенце, тон деловой, словно мы едва знакомы.

— Да, я правда не знала, что ты будешь... — ответила я, опуская глаза на свои босые ноги, чувствуя неловкость от того, что весь день думала о нём и его словах, а теперь он здесь, такой обыденный.

— Да я в целом всё ем, так что не прогадаешь, — усмехнулся он уголком рта, но без тепла, пошёл в сторону лестницы, его друг поднялся с дивана следом, хлопнув его по плечу, и когда Николас проходил мимо меня, поравнялся, я уловила приятный запах одеколона, свежий с нотками цитруса и моря, который ударил в голову, заставив задержать дыхание.

— Мы посидим у меня, ладно? — сказал он, немного наклонившись, потому что я ниже ростом, его лицо оказалось ближе, чем ожидала, глаза на уровне моих, голос тихий, но твёрдый, с лёгким предупреждением. — Не заходи.

И они ушли наверх, шаги прогремели по ступенькам, дверь его комнаты закрылась с щелчком, оставив меня стоять в коридоре с гулом в ушах и странным ощущением, что этот дом вдруг стал ещё теснее, а его присутствие ещё загадочнее.

Я вернулась к ноутбуку на террасу, но эскизы больше не клеились, мысли путались между рисунками и звуками музыки, доносящимися сверху, смех пробивался сквозь стены. Я слушала шум волн и размышляла, кто этот друг, почему Николас так отгородился, и что значит его «не заходи», словно я чужая в этом доме.

Циферблат на ноутбуке уже давно показывал глубокую

ночь, цифры светились холодным синим светом, музыка из комнаты Николаса давно закончилась, сменившись тишиной, нарушаемой только ритмичным шумом волн, а из его комнаты наверху так никто и не выходил, ни он, ни его друг, оставив дом в странной атмосфере, где каждый шорох казался значимым. Мне надоедали эти бесконечные листы бумаги, исписанные неровными линиями эскизов, карандаши валялись разбросанными, как мои сомнения в способностях, и я, чувствуя тяжесть в груди от дневных размышлений и внезапного появления гостей наверху, взяла пачку сигарет и направилась прямо на песок у ступенек, ведущих к морю, где он был прохладным, но не холодным, ещё хранящим тепло ушедшего дня, мягко обволакивающим пальцы ног, пока я садилась, поджигала сигарету и смотрела в даль, где чёрная гладь воды сливалась с небом, усыпанным редкими звёздами, а абсолютная тишина ночи обволакивала, словно позволяя наконец выдохнуть после всех этих дней напряжения.

Сзади слышался небольшой шорох, и я сначала подумала, что это ветер шелестит моими листами эскизов, которые я оставила на террасе, но голос раздался неожиданно близко, заставив вздрогнуть и резко развернуться.

— Неплохо.

Николас стоял в нескольких шагах с моим листком в руках, вдумчиво разглядывая рисунок комнаты с видом на море, его силуэт вырисовывался в полумраке, футболка слегка помятая после долгого вечера, волосы взъерошены, а потом

он перевёл взгляд на меня, тёмный и внимательный, без той обычной отстранённости, что делал его таким недоступным.

— У тебя хорошие работы, — добавил он спокойно, подходя ближе и сядясь рядом на песок, всё ещё держа эскиз в пальцах, его плечо оказалось совсем рядом, тепло тела ощущалось в прохладном воздухе ночи, и я почувствовала, как сердце ускоряет ритм от этой внезапной близости.

— И что же там хорошего? Все кривое, — ответила я скептически, стряхивая пепел сигареты, не веря, что мои первые попытки могут вызвать хоть какой-то интерес, особенно у него, кто явно разбирается в линиях и формах лучше меня.

— Ну ты же в первый раз это делаешь, да? До идеала, конечно, далеко, но потенциал точно есть, — возразил он мягко, поворачиваясь ко мне, его глаза на миг задержались на моём лице, изучая реакцию, и в голосе сквозила искренность, которой я от него не ожидала после всех этих дней холодного игнора.

— Когда отец сказал, что ты собираешься поступать на дизайн, я был уверен, что это он настоял. Но теперь вижу, что у тебя есть к этому талант, — продолжил он, протягивая листок, и я взяла его, чувствуя лёгкое касание пальцев, которое прошло незамеченным для него, но отозвалось внутри меня странным теплом.

Он со мной разговаривает? Или я уснула?

— Вообще, это он и предложил... — призналась я тихо,

глядя на песок, где тени от волн играли узорами. Николас пустил короткий смешок, горький и знающий, взял сигарету из моей пачки без спроса и закурил, глядя куда-то вдаль на тёмное море, дым вырвался из его рта медленно, растворяясь в ночи.

— Ничего нового, — пробормотал он, затягиваясь глубоко, и в этот момент его голос стал ниже, тяжелее, словно открывались двери к чему-то давно запертому.

Он взял сигарету из пачки и закурил, смотря куда-то вдаль.

— Он с детства хотел сделать из меня лучшего архитектора... После него, конечно. А я мечтал стать фотографом, — начал он рассказывать, и я слушала, не перебивая, боясь упустить шанс узнать его ближе, понять этого парня, который прячется за сарказмом и побегами из дома.

— Когда мне исполнилось двенадцать, мама подарила мне фотоаппарат. И он его разбил. Просто кинул в стену, сказав, что это всё игрушки, — продолжил Николас, его профиль в лунном свете казался острее, глаза смотрели в пустоту, а пальцы крепче сжимали сигарету. Я не верила, что он говорит о том человеке, который каждый день обнимает Амели, зовёт меня *sagüño* и строит дома с такой любовью, Мартин не выглядел таким строгим, как описывал Николас, но в его словах чувствовалась правда, вырванная из глубины обид.

— А когда я закончил старшую школу, он без моего слова подал документы в институт. Сказал, что оставит меня без

гроша, если посмею их забрать.

Его голос становился тяжелее, с хрипотцой, словно каждый слог давался с усилием, и я продолжала смотреть на него, не отрываясь, видя в этот момент не бунтаря из ресторана, а парня, скованного чужими ожиданиями годами.

— Теперь ты понимаешь, что он не ангел?

Он закончил вопросом, потушив сигарету о песок резким движением, встал плавно, отряхивая шорты.

— Я пойду спать, — поднялся по ступеньке к дому и обернулся. — Ты тоже в дом уже иди, холодно.

Но я ждала, сидя на песке, пока в его комнате наверху не погас свет, и только тогда вернулась внутрь, чувствуя, как эта ночь изменила что-то внутри меня, добавив вопросов к уже существующим, и сон пришёл не сразу, полный теней его слов и силуэта у моря.

Вечером приехали родители, машина Мартина зарычала у ворот, когда луна уже висела высоко, они ввалились в дом уставшие, но весёлые от вина и разговоров с друзьями, Амели тащила пакет с гостинцами, крича о мальчишке, с которым играла весь вечер, мама обнимала Мартина, шепча что-то ласковое, и всё вернулось как было, к той хрупкой рутине, где Николас продолжал избегать отца, появляясь и исчезая как тень. Мартин злился молча, сжимая челюсти за завтраком или ужином, бросая короткие взгляды на лестницу, а мама всё пыталась их помирить, устраивая общие ужины или предлагая совместные прогулки, её голос звучал уста-

ло, но упорно, словно она верила, что любовь перельёт через край всех обид. Так продолжалось несколько дней, дом жил в этом напряжении, как корабль в штиль перед бурей, мы с Амели рисовали на террасе, мама готовила испанские блюда, Мартин работал допоздна в кабинете, а Николас уходил рано и возвращался поздно, его шаги эхом отдавались ночью, но никогда не пересекались с отцовскими, оставляя после себя тишину, полной невысказанных упрёков.

Ночью я вышла на кухню за стаканом воды, дом спал крепко, луна светила в окно серебристым светом, половицы поскрипывали под босыми ногами, и наткнулась на Николаса, который рылся на полках в шкафу, освещённый лишь слабой лампочкой над плитой, его силуэт казался высоким и напряжённым в полумраке, он искал что-то среди банок и пачек, не замечая меня сразу.

— Мама отложила тебе пасту, — шёпотом сказала я, и он дёрнулся от неожиданности, резко повернувшись, глаза расширились на миг в тусклом свете, потом расслабились, когда узнал меня. — Она в холодильнике.

— Опять ты не спишь, — ответил он, глядя на меня внимательно, открыл дверцу холодильника, свет внутри осветил его лицо с лёгкой щетиной и достал миску с пастой. — Спасибо.

Его голос низкий и сонный, с той хрипотцой, что появлялась поздно ночью. Я сминалась с ноги на ногу на холодном кафеле, стакан в руке казался тяжёлым, слова вертелись на

языке.

— Можно спросить тебя?

— Смотря о чём, — отозвался он, положив вилку макарон в рот, жуя медленно, опираясь на столешницу, глаза не отрывались от меня, ожидая.

— Я понимаю, что у тебя тяжелые отношения с отцом... Но ведь ни мама, ни тем более мы с Амели тебе ничего плохого не сделали. Почему ты отстраняешься? — выпалила я шёпотом, чувствуя, как голос дрожит от смеси любопытства и обиды за эту холодность, которая витала в доме как дым. Он проглотил кусок, поставил миску, вытер рот тыльной стороной ладони, и ответил после паузы, глядя прямо в глаза.

— Я не имею ничего плохого по отношению к Кларе, она прекрасная, и это правда. Я просто не вижу смысла играть счастливую семью, если это не так. Отец даже не хотел, чтобы я приезжал. Я приехал, потому что понимаю, что для твоей мамы это важно, — его слова повисли в воздухе кухни, тяжёлые и честные, он сделал шаг ближе, голос стал тише. — Я ведь уже говорил, что он не такой пушистый, и ты в этом скоро убедишься. Поэтому не стоит даже пытаться со мной подружиться. Семейой мы с тобой не станем.

Взял тарелку в руки, кивнул коротко и ушёл в свою комнату, шаги затихли на лестнице, дверь закрылась бесшумно, а я осталась стоять в тёмной кухне, стакан воды охлаждал пальцы, слова Николаса эхом отдавались в голове, оставляя после себя пустоту и вопросы, на которые ответа не было,

пока я медленно допила воду и вернулась в постель, где сон
пришёл с трудом, полный теней их семейных ран.

Глава 2

Дженнифер

С момента той ночи на кухне прошла неделя. Я практически не видела Николаса. Его машина исчезала рано утром и появлялась глубокой ночью. Шаги звучали приглушённо по дому, словно он специально избегал общих пространств. Его слова — *«не стоит пытаться подружиться»* — засели в голове острым шипом, вызывая обидное чувство отторжения. Будто мы с мамой и Амели действительно вторглись в его мир как незваные гости, которых он терпит только из уважения к матери.

Каждый день я думала об этой фразе. Прокручивала её в голове во время завтраков, прогулок по пляжу, рисования эскизов. Но мысли неизбежно скатывались от обид к его образу. К тому, как обрисовывались мышцы под рубашкой в полумраке кухни. К татуировкам на груди, которые мелькали в воспоминаниях чёткими линиями. К его низкому голосу с лёгкой хрипотцой.

Сколько бы я ни пыталась подавить эту мысль, она возвращалась вновь. Ещё ярче, ещё красочнее, окрашивая сны и дневные грёзы в цвета, от которых щёки горели по ночам. Теперь я даже думала, что это к лучшему, что мы перестали пересекаться так часто. Кто знает, что бы тогда было с моими мыслями? Они и без того кружили вокруг него вихрем, ме-

шая сосредоточиться на эскизах или планах на универ, превращая каждый шорох в доме в ожидание его шагов.

Утром я решила освежиться и привести мысли в порядок. Ощущая тяжесть в голове от бессонных ночей и жары, накрывшей побережье плотным одеялом, я кинула одежду и блокнот на шезлонг у бассейна. Вода искрилась под солнцем, маня прохладой. Я скинула сарафан и нырнула с разбега, чувствуя, как волны расходятся от тела, обволакивая кожу холодом. Поплавала несколько минут, выныривая и погружаясь, позволяя воде смыть липкие воспоминания о его словах и взглядах.

Обтерпевшись полотенцем, я села на край шезлонга. Вода стекала по ногам каплями. Я открыла блокнот на чистой странице, решив расслабиться и порисовать. Рисование всегда помогало отвлечься от навязчивых мыслей. Оно заполняло руки движением карандаша, а голову линиями, а не образами. Я черкала, не глядя на бумагу, карандаш скользил сам по себе, выводя абстрактные формы, лица, силуэты. Полностьюгрузившись в свои мысли, где Николас то появлялся, то растворялся в волнах моря.

Но стоило сосредоточить взгляд на листе, как я обнаружила знакомый силуэт в наброске: взъерошенные волосы, растёгнутая рубашка с открытым воротом, татуировки на видимой коже груди. Сердце ухнуло от осознания — рука сама нарисовала его, выхватив из памяти ту ночь в коридоре или на песке. Паника кольнула.

Сзади слышались громкие шаги по кафелю. Уверенные и тяжёлые. Я быстро захлопнула блокнот, прижав к груди, чувствуя, как кожа покрывается мурашками.

— Рисуешь? — раздался его голос рядом. Спокойный, с лёгкой насмешкой.

Николас появился у бассейна. В шортах и лёгкой рубашке, волосы взъерошены после сна или ветра, кожа загорелая от дней на солнце. Он стоял, уперев руки в бока, глядя на меня с той привычной полуулыбкой.

— Покажешь? — протянул он руку, наклоняясь чуть ближе. Глаза скользнули по блокноту, но я мотнула головой, крепче сжимая обложку. Щёки вспыхнули от стыда, он мог увидеть себя на бумаге.

— Не очень-то и хотелось.

Он усмехнулся, отводя взгляд, но в голосе мелькнула искра интереса. Развернулся и быстро нырнул в бассейн. Вода взорвалась фонтаном брызг, которые долетели до меня, обдав прохладой. Он вынырнул через секунду, откидывая волосы назад. Мышцы напряглись под мокрой тканью. Я почувствовала его взгляд на себе, тяжёлый и пронизывающий. Быстро хватая вещи, я убежала в свою комнату. Сердце колотилось в горле, ноги подкашивались на лестнице. В голове крутилось только одно: он видел или нет? И почему от этого взгляда всё внутри переворачивается?

В комнате я заперлась. Бросила блокнот на кровать, уставилась в зеркало на своё раскрасневшееся лицо, пытаюсь

унять дыхание. Я подумала, что эта неделя тишины только усилила хаос в мыслях, сделав каждую случайную встречу с ним как удар тока. А его слова на кухне теперь казались не просто защитой, а стеной, которую хочется пробить, но страшно подойти ближе.

Я несколько минут просто стояла у двери, не двигаясь. Будто если пошевелиться, то всё, что произошло у бассейна, станет ещё реальнее. Внутри всё дрожало. Это была не только злость или смущение, но и то странное чувство, появившееся совсем не вовремя. Оно пробежало по телу резким током и никак не хотело исчезать.

Блокнот на кровати был открыт. В середине страницы тот самый набросок. Я даже не успела толком его рассмотреть, только помнила, как рука вывела знакомый силуэт. Слишком быстро. Слишком точно.

Я зажмурилась. Он не видел. Не должен был. Не мог.

Опустившись на край кровати, я закрыла лицо ладонями, пытаясь успокоить дыхание. Но сердце всё равно колотилось. Потому что я не просто рисовала. Я совершила что-то ужасно глупое и теперь не знала, как жить дальше.

Мне хотелось убедить себя, что Николас просто случайно появился у бассейна. Что он ничего не заметил. Что его взгляд был обычным, как всегда. Но чем дольше я думала, тем меньше в это верила. Он видел слишком много. Даже если не рисунок, то мой взгляд точно заметил.

Через час я всё-таки заставила себя спуститься вниз. Мне

хотелось выйти из этой комнаты, из чистых мыслей, из бесконечного прокручивания его лица, его голоса и того, как близко он оказался, когда заговорил в бассейне. На кухне мама с Мартином уже спокойно приготовили ужин, нарезали овощи, обсуждали что-то негромко, будто в доме не было ни ссор, ни напряжения, ни Николаса, который исчезал, то появлялся, как будто жил по своим законам. Амели сидела на террасе и раскрашивала пальчиками какой-то лист, время от времени довольно хихикая над собственными пятнами. Всё вокруг выглядело почти мирно, настолько, что я даже на секунду поверила, что этот день пройдёт без неловкости.

— Дженнифер, поможешь? — мама подмигнула мне.

Я подошла к шкафу за тарелками, стараясь не слишком задумываться ни о чём лишнем. Но едва я потянулась к стопке посуды, как дверь с заднего двора открылась, и в кухню вошёл Николас. Он двигался почти бесшумно, но я всё равно чувствовала его раньше, чем слышала, словно воздух в комнате вдруг стал плотнее и прохладнее. От него пахло водой, хлоркой и каким-то лёгким одеколоном, и этот запах почему-то сразу заставил меня напрячься. Он остановился совсем близко, за моей спиной, так близко, что я ощутила его присутствие буквально кожей, и мне на секунду показалось, что я даже слышу его дыхание.

— Ты тарелки собралась мыть или всё-таки учиться дышать? — его голос прозвучал совсем тихо, почти у самого уха.

Я вздрогнула, и из рук у меня выскользнула вилка. Металл громко прозвенел о плитку, и этот звук показался мне оглушительным на фоне неожиданной тишины. Николас наклонился почти сразу, поднимая её с пола, а когда выпрямился, оказался ещё ближе, чем до этого, и мне пришлось заставить себя не отступить назад. Его взгляд скользнул по моему лицу, потом задержался на шее, на ключицах, и мне стало настолько неудобно, что захотелось исчезнуть прямо на месте.

— Осторожнее, — сказал он спокойно, словно ничего особенного не произошло.

Мама на мгновение обернулась на шум, но Николас уже протянул мне вилку рукояткой вперёд, и я машинально взяла её, чувствуя, как наши пальцы на секунду соприкоснулись на холодном металле. Он не отпустил сразу, и мы оба на мгновение замерли, глядя друг на друга, как будто в этом случайном касании было что-то, чего не должно было быть. Я тут же почувствовала, как щёки начинают гореть.

— Спасибо, — тихо сказала я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Не за что, — усмехнулся он уголком рта, взял из холодильника бутылку воды и вышел на террасу так, будто ничего не случилось.

Мама посмотрела на меня с лёгким недоумением.

— Вы поссорились? — спросила она осторожно.

— Нет, — ответила я слишком поспешно и сразу же пожалела об этом. — Всё нормально.

Конечно, это было неправдой. И, наверное, мама это тоже поняла.

Вечером родители снова заговорили о совместной прогулке на закате, но Мартин, заметив сына в гостиной с телефоном, лишь коротко взглянул в его сторону и передумал, просто не хотел начинать очередной спор при всех. Амели уснула под мультик, свернувшись клубочком на диване. Мама с Мартином рано ушли в спальню, и сквозь стену до меня ещё какое-то время доносились их приглушённые голоса. Я не разбирала слов, но по тону было понятно, что они снова спорят о Николасе, и от этого в доме стало ещё тяжелее. Словно даже стены устали от этих постоянных недомолвок.

Я сидела одна на террасе, листая блокнот на коленях, хотя рисовать уже не хотелось. Мысли были слишком громкими, слишком навязчивыми, чтобы можно было сосредоточиться на линиях и тенях. Я смотрела на свои старые наброски, но видела только его лицо, его руки, его глаза, которые преследовали меня даже здесь, в тишине ночи, когда весь дом уже спал. А потом сзади раздался голос Николаса, и я едва не подпрыгнула от неожиданности.

— Опять рисуешь?

Он вышел из темноты так тихо, что я не услышала ни шагов, ни шороха, только почувствовала, как рядом сдвинулся воздух. Николас сел на соседний шезлонг, положив ногу на ногу, и его взгляд сразу же упал на мой блокнот. Я инстинктивно прижала его к груди, хотя он ещё не мог ничего уви-

дочь.

— Ты любишь пугать людей?

— Только тех, кто реагирует красиво, — он кивнул на блокнот. — Показывай.

— Нет.

— Дженнифер, — он повторил моё имя медленно, пробуя на вкус, и от этого мурашки побежали по спине. — Я всё равно рано или поздно найду этот рисунок. Ты же знаешь.

— Что ты хочешь?

— Увидеть, как ты меня нарисовала.

Я сжала блокнот крепче, чувствуя, как от его близости по телу разливается жар. Он вздохнул, резко наклонился и выдернул его из моих рук прежде, чем я успела пискнуть. Мои пальцы на секунду задержались на обложке, но он был быстрее.

— Отдай!

— Тише, — он поднял палец к губам, усмехаясь, и открыл страницу. Свет луны упал на набросок: его профиль, взъерошенные волосы, расстёгнутый ворот, татуировки, которые я рисовала по памяти, боясь, что если пропущу хотя бы одну линию, рисунок потеряет что-то важное. Я хотела провалиться сквозь землю.

Николас смотрел на рисунок долго. Слишком долго. Я не могла дышать, не могла смотреть на него, но и отвернуться не могла. Я видела, как его пальцы слегка дрожат, когда он проводит по краю листа, как его лицо становится серьёзнее,

чем я когда-либо видела.

— Неплохо, — сказал он наконец, и в голосе не было насмешки. — Но глаза не такие.

— Какие?

— Более уставшие, — он посмотрел на меня, и в его взгляде было что-то новое, что-то, чего я не могла прочесть. — Ты рисуешь то, что видишь, или то, что хочешь видеть?

Я молчала, потому что не знала ответа. Потому что боялась признаться даже себе, что, наверное, рисую то, что чувствую. Он захлопнул блокнот, но не отдал. Его пальцы всё ещё лежали на обложке, и я смотрела на них, чувствуя, как внутри всё сжимается.

— Верни.

— Приходи сегодня ночью к морю. Там и верну, — он встал, потянулся, и футболка на мгновение обнажила полосу татуировок на животе. — Не бойся. Я не кусаюсь.

— Я не боюсь.

— Врёшь, — он улыбнулся совсем близко, почти касаясь плечом, и ушёл в дом, унося мой блокнот.

Я осталась сидеть с бешено колотящимся сердцем, глядя на тёмную гладь моря. Луна отражалась в воде, и мне казалось, что я вижу его лицо там, в серебряных бликах. И в глубине души я поняла, что пойду. Потому что не могла не пойти. Потому что он забрал не просто блокнот, он забрал часть меня, и я хотела её вернуть. Или, наоборот, потерять окончательно.

Ближе к полуночи, когда дом затих, я накинула лёгкую кофту и босиком выскользнула на песок. Воздух был тёплым, но от влажности по коже пробегали мурашки. Луна висела низко, дорожка тянулась по воде, и я шла по ней, как по приглашению, как по пути, который выбрала не я, но который вел меня туда, где он ждал. Он сидел на камне у самой воды с сигаретой в руке, а рядом лежал мой блокнот. Его силуэт чётко вырисовывался на фоне светящегося моря, и я на секунду замерла, чувствуя, как сердце пропускает удар.

— Пришла, — констатировал он, не оборачиваясь.

— Отдай.

— Сначала посиди.

Я села на песок в паре метров от него. Песок был прохладным и влажным, он зарывался между пальцами ног, и я смотрела на его спину, на его плечи, на то, как он держит сигарету, и думала о том, что, наверное, я схожу с ума. Он подвинулся ближе сам. Протянул сигарету. Я покачала головой, но он всё равно оставил её в руке, как будто знал, что я могу передумать.

— Ладно. Я тебе скажу одну вещь, Дженнифер. Ты можешь рисовать меня сколько хочешь. Мне не жалко. Но не думай, что за этим последует что-то хорошее.

— Я и не думала.

— Опять врёшь, — повторил он мягче, и его пальцы коснулись моих, когда он клал блокнот обратно. Его кожа была тёплой, шершавой, и это короткое прикосновение отозва-

лось во мне дрожью, которую я не могла контролировать. — Врёшь, и мы оба это знаем.

Я схватила блокнот, вскочила и почти побежала к дому. Ноги утопали в песке, дыхание сбивалось, и я не знала, что чувствую больше — страх, злость или то самое странное тепло, которое разливалось внутри от его прикосновения. На полпути я оглянулась. Он не смотрел в мою сторону. Смотрел на море. Но его рука всё ещё лежала на том месте, где только что была моя, и я знала, что он чувствует то же самое. Хотя мы оба делали вид, что это не так.

Ночью я почти не спала. А под утро, когда за окном зарозовело небо, в телефоне пришло сообщение с незнакомого номера:

«Не прячь блокнот. И не прячься от меня.»

Я перечитала его четыре раза. Потом удалила, но номер запомнила. Это лето только начиналось, и теперь я точно знала: спокойно оно не закончится.

Я проснулась от того, что телефон с глухим стуком упал с кровати на пол. Ещё не открыв глаза, я уже нырнула рукой вниз, нашаривая гладкий корпус на холодных половицах. В голове всё ещё пульсировало вчерашнее сообщение, которое я удалила, но которое, как заноза, засело где-то под рёбрами. Экран засветился голубоватым светом, ударил по зрачкам, и я увидела, что уже почти девять часов утра, хотя мне казалось, что я только что закрыла глаза.

«И не прячься от меня.» — эти слова я перечитала мыс-

ленно раз десять, сидя на кровати и свесив босые ноги на холодный пол. Они уже не были просто буквами на экране, они въелись в меня, стали частью того липкого, тянущего чувства, которое не отпускало всю ночь, заставляя ворочаться и вслушиваться в шум волн за окном. Я закрыла глаза и увидела эти цифры — его номер. Я никогда не умела запоминать цифры, путала пароли, теряла чеки, не могла вспомнить собственный номер без секунды раздумья. Но эти одиннадцать цифр впечатались в память, как татуировка, которую не свети даже самой острой болью.

Внизу звенела посуда. Мама, наверное, уже хлопотала на кухне. Судя по приглушённым голосам и звону ложек о чашки, которые доносились сквозь половицы, смешиваясь с шипением кофемашины и запахом жареного бекона. Обычные звуки обычного утра в обычном доме, где ничего не случилось, где никто не писал никому странных сообщений глубокой ночью, где сводный брат не смотрел на свою сестру так, будто хотел увидеть не её лицо, а то, что под кожей.

Я быстро встала с кровати, даже не посмотрела в зеркало. Не хотела видеть своё лицо с синяками под глазами и той странной, почти болезненной прозрачностью кожи, которая бывает после ночей без сна, когда организм сдаётся, но мысли продолжают метаться, как загнанные звери. Несколько раз провела расчёской по спутанным волосам, без удовольствия, лишь бы не выглядеть так, будто я вообще не сомкнула глаз. Хотя это было чистой правдой. Я лежала и смотрела

рела в потолок, слушая, как за стеной иногда скрипят половицы, и гадала, ходит ли он там, тоже не может уснуть, или это просто старый дом дышит своими деревянными лёгкими.

Сердце колотилось так, будто я шла на экзамен, на первое свидание и на казнь одновременно. Я не могла различить эти ощущения: страх, надежду, стыд, любопытство. Всё смешалось в один горячий ком, который застрял в горле и не позволял дышать полной грудью. Я шла по коридору мимо его закрытой двери, стараясь не скрипеть половицами и не останавливаться. Потому что если бы я остановилась, то, наверное, прижалась бы ухом к двери, чтобы услышать, есть ли он там вообще. Или это всё был сон, и никакого сообщения никогда не существовало.

За завтраком всё было слишком нормально. До тошноты нормально. Будто кто-то нажал кнопку «воспроизвести сцену идеальной семьи», и актёры добросовестно отыгрывали свои роли. Мама в цветастом халате разливала сок и улыбалась. Амели сидела на своём месте, болтала ногами и взахлёб рассказывала про чайку, которая пыталась украсть у неё бутерброд. Мартин читал новости в телефоне, машинально поднося кружку с кофе ко рту: отпил, поставил, пролистал, отпил.

Николас сидел на своём обычном месте, слева от отца. Пил чёрный кофе без сахара, как всегда, и листал телефон с таким видом, будто ничего не произошло. Будто он не пи-

сал мне в два часа ночи. Будто не держал мою руку вчера на террасе. Будто не смотрел на меня тем взглядом, от которого хочется провалиться сквозь землю и одновременно раствориться в нём навсегда. Я точно всё ещё сплю.

Когда я вошла, он поднял глаза ровно на секунду. Ни больше ни меньше. Сказал «Привет» таким тоном, каким говорят «передай соль» или «закрой окно». Механически, вежливо, абсолютно пусто. Без той тёмной, тягучей интонации, которая заставляла меня краснеть посреди фразы и забывать, что я хотела сказать. Моё «Доброе утро» прозвучало чужим, каким-то слишком высоким и тонким, будто я не спала не одну ночь, а целую неделю, и голосовые связки отказались подчиняться.

Внутри всё сжалось в тугой комок. Потому что вот и всё: ни взгляда, ни намёка, ни улыбки, ни того, как он наклоняет голову, когда хочет сказать что-то личное. Просто пустота. Чистая, гладкая, как стекло. И я разбиваюсь об эту пустоту лицом, а он даже не замечает.

Я села напротив. Мама пододвинула мне кружку с какао. Пар поднимался над молочной пенкой, пахло шоколадом и чем-то детским, безопасным. Я обхватила кружку холодными пальцами, согревая ладони, и смотрела в стол. Боялась поднять глаза и встретиться с его равнодушием, которое было страшнее любой злости. Злость — это хотя бы чувство. А равнодушие — это приговор.

Амели продолжала болтать про чайку: как та наклонила

голову, как посмотрела, как Амели закричала, и чайка улетила. Мама смеялась, поддакивала, подливала сок. Мартин не поднимал головы от телефона. Николас допил кофе одним долгим глотком, поставил кружку на стол с тихим стуком, провёл рукой по волосам. Этот жест я уже выучила наизусть, сама не заметив когда.

— Спасибо, Клара! — сказал он, обращаясь к маме.

Он встал из-за стола, отодвинув стул так, что его плечо на секунду оказалось рядом с моей головой. Я почувствовала запах его геля для душа: мяту и что-то древесное, тёплое, отчего внутри всё перевернулось, хотя его тело даже не коснулось меня. И он вышел, не посмотрев в мою сторону, не шепнув ничего, не задержавшись. Просто растворился в проёме двери, оставив после себя качающийся стул и пустоту, которая была тяжелее, чем если бы он кричал.

Я смотрела в свою кружку, где в молочной пенке отражалось моё растерянное лицо. Бледное, с тенями под глазами, с плотно сжатыми губами. Думала о том, как глупо, наверное, выгляжу со стороны, если бы кто-то мог заглянуть в мою голову и увидеть, как я прокручиваю слова из ночного сообщения. Как заклинание. Как молитву. Как последнюю надежду на то, что это не конец, а только начало.

— Ты какая-то сонная, — заметила мама, накладывая мне на тарелку глазунью. Её голос прозвучал откуда-то издалека, будто она говорила из другой комнаты, хотя сидела напротив.

— Не выпалась, — пробормотала я, хотя это было ложью. Я спала почти восемь часов, если считать время, когда моё тело лежало неподвижно с закрытыми глазами. Но мой мозг не отдыхал ни секунды. Он перебирал его слова, его взгляд, его пальцы на моём запястье. Это было изнурительнее любой бессонницы.

— Жара, наверное, — мама пожала плечами, отворачиваясь к плите. — Я тоже вчера ворочалась. Мартин храпел как сурок.

Мартин поднял голову от телефона, улыбнулся виновато и снова уткнулся в экран. Его жизнь происходила там, в чертежах и письмах, а не здесь, за столом с семьёй. И я вдруг подумала, что, может быть, поэтому Николас такой колючий. Потому что его отец всегда был рядом физически, но никогда по-настоящему.

Я взяла вилку, ткнула в яичницу. Желток растёкся по тарелке жидким солнцем. Я смотрела на эту лужу и не чувствовала голода. Не чувствовала вкуса, когда отправила кусок в рот. Я чувствовала только горечь где-то в горле, не связанную с едой, и пустоту в груди, которая никак не заполнялась. Даже горячим какао и утренним солнцем, заливающим террасу золотом.

Он сделал вид, что меня не существует. А я пролежала всю ночь, глядя в потолок, перебирая слова, вслушиваясь в шум волн, который казался мне его дыханием, и в скрип половиц за стеной, который казался мне его шагами. И теперь, когда я

сидела за столом с холодными пальцами и растёкшейся яичницей, я поняла, что это игра. Проверка. Или, может быть, он просто пожалел о том, что написал. Проснулся утром, посмотрел на телефон и подумал: «Что за чушь, зачем я это отправил? Она же просто девчонка».

Но внутри меня, там, где обычно жил холодный рассудок и здоровая ирония, теперь пульсировало что-то тёплое и совершенно неразумное. Мне было не всё равно. Совсем не всё равно. Я смотрела на его пустую кружку с остатками кофе, на смятую салфетку, на стул, и понимала, что это лето только началось, а я уже тону. Спасательный круг брошен, но он плавает где-то рядом. И протянуть руку или уплыть в другую сторону я пока не знала.

К двум часам дня, когда солнце уже поднялось и залило двор таким плотным, почти осязаемым золотом, что даже тени от пальм казались не серыми, а сиреневатыми, дом наполнился шумом мотора. Не знакомого, чужого, такого, который не въезжал в наши ворота ни разу за всё время. От этого незнакомого звука внутри меня что-то ёкнуло, хотя я ещё не знала, кому принадлежит эта машина и зачем она здесь.

Мартин отложил телефон, вышел встречать, хлопнув входной дверью громче обычного. Я, движимая каким-то глупым, почти животным любопытством, которое не могла объяснить даже самой себе, выглянула из окна ванной комнаты. Осторожно отодвинула край белой занавески, чтобы меня не заметили снизу.

Из машины ярко-красного седана с тонированными стёклами, который выглядел так, будто его вырезали из глянцевого журнала и вклеили в нашу тихую, почти провинциальную жизнь, выпрыгнула девушка. Я невольно задержала дыхание, потому что она была похожа на тех людей, которых показывают в кино, когда хотят сказать «богатая, красивая и уверенная в себе». Высокая, выше меня на голову, наверное, с кожей цвета топлёного молока и идеально ровным загаром, который не бывает случайным. Она была одета в белые шорты, открывающие длинные, как у модели, ноги, и крошечный топик на тонких бретельках, под которым угадывалась спортивная, подтянутая фигура человека, который не просто родился с хорошей генетикой, а ещё и работал над собой каждый день. Тёмные, почти чёрные волосы распущены по плечам густой волной, без единого намёка на утренние колтуны и спешку. На носу солнечные очки с огромными зеркальными стёклами, в которых отражалось небо, пальмы и моё, должно быть, совершенно растерянное лицо.

Она что-то крикнула водителю, какую-то быструю фразу на испанском, которую я не разобрала, и помахала рукой. В этом жесте было столько лёгкости, столько привычки быть в центре внимания, что мне вдруг стало стыдно за свою зажатую, вечно напряжённую позу. За руки, которые всегда ищут, за что бы им схватиться.

— Лола! — голос Николаса раздался снизу, и я увидела, как он вышел на крыльцо быстрым, почти бегущим шагом.

С той особенной лёгкостью в теле, которая появляется только когда видишь кого-то по-настоящему близкого. Его лицо осветилось улыбкой — такой открытой, такой искренней, какой я не видела на нём ни разу за всё время. Ни когда он шутил с Амели, ни когда помогал маме нести сумки, ни когда смотрел на меня тем тёмным, тягучим взглядом в ванной или на ночном пляже.

Девушка бросилась к нему на шею, обняла, чмокнула в щёку с влажным, громким звуком. Николас обнял её в ответ. Легко, по-дружески, без той сдерживаемой страсти, от которой у меня подкашивались колени. Но мне почему-то всё равно захотелось захлопнуть окно, задернуть шторы, упасть лицом в подушку и не выходить из комнаты до тех пор, пока эта сияющая, смеющаяся, невероятно живая Лола не уедет туда, откуда приехала.

— *Mi vida*, как давно! — её звонкий, чуть хрипловатый голос разносился по всему двору, влетал в открытое окно моей комнаты и врезался мне в грудь, как маленькая, но очень острая пуля. — Ты похудел, Ник! В Нью-Йорке совсем не кормят или ты просто сохнешь по испанской еде?

Она говорила с лёгким каталонским акцентом, растягивая гласные и проглатывая окончания. В этом было столько домашнего, родного, что я вдруг остро, почти физически ощутила себя чужой здесь, в этом доме, в этой семье, в этой жизни, которую я пыталась вписать между строк его истории.

— А ты растолстела, — парировал он, и в его голосе не

было обиды или злости. Только та особенная, проверенная временем нежность, которая позволяет говорить друг другу колкости и не бояться, что кто-то обидится. Лола рассмеялась, звонко, запрокинув голову, и толкнула его в плечо с такой фамиллярностью, с какой можно толкать только человека, которого знаешь лет десять и чьи шутки выучила наизусть.

«*Mi vida*». Моя жизнь. Моя, боже, жизнь.

Я отошла от окна медленно, будто мне было сто лет и каждое движение давалось через боль. Вернулась в комнату, села на кровать и уставилась в блокнот, который всё ещё лежал на подушке. Раскрытый на той самой странице, где я рисовала его вчера вечером. Не глядя, просто выводила знакомые линии: скулу, подбородок, край губы, чуть приоткрытой, будто он хотел что-то сказать, но не решался. На последней странице остался тот самый набросок — его профиль, чёткий, почти жестокий в своей красоте. Губы, которые никогда не говорили мне «*mi vida*». И теперь эта бумага казалась мне такой же беспомощной, как я сама. Потому что рисунок останется рисунком, а она приехала живая и смеющаяся, и он называл её своей жизнью.

Я захлопнула блокнот с такой силой, что хлопок прозвучал в тишине комнаты как выстрел, и убрала его под подушку. Подальше от себя, от своих чувств, от того унижительно-го, жалкого зрелища, которым я сейчас была. Девушка, ревнующая к подруге детства человека, с которым её даже не

связывают никакие обещания. Кроме молчаливого, никем не подписанного договора о том, что они будут стоять слишком близко друг к другу и делать вид, что не замечают.

Лола осталась на обед. Конечно, осталась. Куда она могла деться? Она же приехала к нему, не к нам. И теперь сидела на его месте за столом, положив локти на скатерть так, будто жила здесь всю жизнь. Болтала без остановки про Барселону, про университет, про какого-то Хуана, который разбил ей сердце прошлой весной, но теперь она почти его простила, потому что Хуан прислал ей цветы на день рождения, а она цветы не любит, но он не мог знать, и это так мило, правда?

Мама улыбалась той своей тёплой, гостеприимной улыбкой, которую включала, когда хотела, чтобы гость чувствовал себя как дома. Подливала вино, пока Мартин внимательно слушал, кивал и изредка вставлял комментарии про испанскую архитектуру и знаменитые здания в Барселоне, которые, судя по всему, Лола знала лучше, чем расположение своей собственной спальни. Амели смотрела на Лолу как на принцессу из диснеевского мультфильма, с открытым ртом и огромными глазами, в которых читалось одно: «Я тоже хочу быть такой, когда вырасту».

Николас сидел рядом с Лолой, их стулья почти соприкасались. Иногда, когда она наклонялась к нему, чтобы что-то прошептать, его плечо касалось её плеча. Они обменивались короткими фразами на испанском, которые звучали для меня как музыка. Красивая, быстрая, совершенно непонятная

и от этого ещё более раздражающая. Они смеялись над чем-то своим, внутренним, что не предназначалось для посторонних ушей. Особенно для ушей девчонки, которая только что закончила школу и чьё главное достижение за последние дни — набросок его профиля, спрятанный под подушку.

Я ковыряла вилкой салат, в котором уже не осталось ничего, кроме нескольких вялых листьев и кусочка огурца. Молчала, потому что говорить мне было нечего. Все мои слова, все мои истории, все мои мысли казались слишком мелкими, слишком незначительными, чтобы вклиниваться в их разговор про Барселону, про Нью-Йорк, про людей и места, которых я никогда не видела и куда, наверное, никогда не поеду. Я чувствовала себя лишней за своим собственным столом, в своём собственном доме. Хотя дом-то и не был моим. Дом был Мартина. А я была просто девочкой, которую взяли на время, как берут напрокат мебель для фотосессии.

После обеда Лола захотела искупаться. Солнце палило нещадно, и даже лёгкий бриз с моря не спасал от этой плотной, почти осязаемой жары, которая заставляла липнуть одежду к телу, и хотелось зарыться лицом в холодную воду. Она скинула сарафан прямо у бассейна, одним плавным, отточенным движением, будто делала это тысячу раз перед камерами и зрителями. Под ним оказался ярко-бирюзовый купальник, такой крошечный, что я, наверное, постеснялась бы даже примерить его в закрытой примерочной, не то что носить при всех.

Нырнула с разбега, подняв тучу брызг. Вынырнула на середине бассейна, откинула мокрые волосы назад. Красиво, плавно, как русалка из старого фильма. И закричала, запрокинув лицо к солнцу:

— Ник, иди сюда, вода шикарная!

Николас усмехнулся, глядя на неё с шезлонга, на котором развалился после обеда, и одним быстрым движением стянул футболку через голову. Я отвела взгляд слишком поздно. В моей памяти уже отпечаталось всё: его широкие плечи, татуировки на груди, чёрные линии, уходящие вниз, под пояс шорт, куда я запретила себе смотреть. Но всё равно посмотрела, конечно, посмотрела, как заморожённая, и теперь сидела с горящими щеками и бешено колотящимся сердцем, будто это я снимала футболку, а не он.

Он прыгнул следом. Не нырнул, а именно прыгнул бомбочкой, подняв ещё больше брызг, чем Лола. Они начали брызгаться, как дети. Как те счастливые люди, у которых нет ни прошлых обид, ни будущих сомнений, только здесь и сейчас: вода, солнце и смех, который разлетался по двору и врезался мне в грудь осколками. Лола визжала, уворачиваясь от его атак. Николас хохотал громко, по-настоящему, не той своей сдержанной полуулыбкой, которую я привыкла видеть. Я смотрела на них сквозь солнечные очки, которые надела, чтобы никто не видел моих глаз.

Я сидела на шезлонге с блокнотом в руках. Он был открыт на чистой странице, но карандаш так и лежал рядом нетро-

нутый. Потому что я не рисовала. Я просто смотрела в одну точку, на воду, на блики, на их фигуры, которые то появлялись, то исчезали в волнах. Думала о том, как нелепо выглядит моя ревность, как смешно и по-детски обижаться на то, что кто-то смеётся с ним громче, чем я. Но я обижалась. Конечно, обижалась. Потому что его смех предназначался ей, а мне доставалось только тяжёлое, колющее молчание.

Лола вылезла первой. Выбралась из бассейна грациозно, как морская кошка, выжимая волосы и отряхиваясь. Подошла ко мне, вытирая лицо полотенцем, которое накинула на плечи. Я почувствовала запах хлорки и её духов — сладких, цветочных, совсем не подходящих для пляжа. Увидела, как вода стекает по её загорелым ногам, оставляя тёмные следы на тёплом кафеле.

— Ты Дженнифер, да? — спросила она, улыбаясь так широко и так искренне, что я не могла заподозрить её в фальши, хотя мне этого очень хотелось. — Ник говорил о тебе.

— Правда? — я выдавила из себя улыбку, стараясь, чтобы голос звучал ровно и равнодушно. Хотя внутри всё кричало: «Что он сказал? Что? Когда? Зачем?»

— Да, сказал, что ты рисуешь, — Лола кивнула на блокнот у меня на коленях, и её глаза загорелись неподдельным любопытством. — Покажешь?

Я покачала головой, всё ещё улыбаясь той через силу, дежурной улыбкой, которую научилась надевать в ситуациях, когда хотелось провалиться сквозь землю.

— В другой раз, наверное.

— Ну, как хочешь, — она пожала плечами, ничуть не оби-
девшись, и уплыла обратно к бассейну, к Николасу, который
ждал её, лениво плавая на спине и глядя в небо.

Я видела, как она подплыла к нему, положила руки ему на
плечи — так естественно, так привычно, будто делала это ты-
сячу раз. Что-то зашептала на ухо, наклонившись так близко,
что её мокрые волосы коснулись его щеки. Николас рассме-
ялся тем самым смехом, который резал меня, как ножом. Он
что-то ответил, и она откинула голову, и они засмеялись оба.
На секунду мне показалось, что весь мир состоит из воды,
солнца и их двоих. А я просто случайная тень на шезлонге,
которую никто не замечает.

Мне захотелось уйти в комнату, спрятаться под одеяло,
закрыть глаза и не видеть, как вода стекает по его спине. По
той самой спине, которую я рисовала вчера, не глядя, просто
ведя карандашом по бумаге, пытаюсь угадать линии мышц
под тканью футболки. А теперь эти линии были открыты для
всех, но особенно для неё.

Я сидела и смотрела, приросшая к шезлонгу. Чувствуя,
как кафель обжигает босые ступни, а внутри разрастается
что-то липкое, тяжёлое. Похожее на обиду, только в десять
раз сильнее. Потому что обижаться, в общем-то, было не на
что. Но обида была. И она заполняла меня целиком, как вода
заполняет утонувший корабль.

К ужину Лола наконец уехала. Её кто-то ждал в городе,

какая-то подруга или тот самый Хуан. Она выскочила из дома такой же внезапно, как и ворвалась в него, оставив после себя запах сладких духов, мокрые следы на кафеле у бассейна и странное, тянущее чувство в моей груди. Я никак не могла его заглушить: ни горячим чаем, ни попыткой заставить себя читать книгу, ни даже тем, что убеждала себя, будто её присутствие ничего для меня не значит. Она обняла Николаса на прощание дольше, чем нужно. Гораздо дольше, чем я могла бы выдержать, если бы смотрела на них. Но я не смотрела. Я делала вид, что разбираю полотенца, хотя на самом деле каждый мускул моего тела был натянут как струна, и каждое её слово врезалось в память против моей воли. А когда она поцеловала его в щёку — громко, со вкусом, и уже из окна машины, когда мотор зарокотал и ветер растрепал её идеальные волосы, крикнула: «Пока, художница!» — я только кивнула. Выдавила из себя какое-то подобие улыбки, но улыбка вышла кривой и фальшивой. Потому что внутри меня всё кричало: я не художница, не девушка, не никто. Просто наблюдатель, который смотрит на чужую жизнь через замочную скважину и не имеет права даже ревновать. Ревность подразумевает какие-то права, а у меня их не было.

Дом опустел после её отъезда. Эта пустота была какой-то неправильной, звенящей. Лола заполнила собой всё пространство, когда была здесь, а когда уехала, остались только эхо её голоса и неловкость, которую никто не решался назвать вслух. Я чувствовала, как тишина растекается по

комнатам, как вода, заливая углы и щели, в которых ещё несколько часов назад звучал её смех.

Мама с Мартином ушли в кабинет, закрыв за собой дверь, чтобы обсудить какие-то рабочие звонки. Или, может быть, предстоящие счета за этот дом. Или, может быть, меня и Николаса. Кто знает? Стены здесь толстые, но голоса иногда просачиваются сквозь щели, когда говорят слишком громко. А сегодня они говорили тихо. Я всё равно слышала какие-то обрывки — ничего не значащие, но тревожные.

Амели снова уснула под мультик, свернувшись калачиком на диване в гостиной, обняв своего плюшевого зайчика. Её лицо было таким спокойным, таким безмятежным, что я накрыла её пледом, поцеловала в лоб. Чувствуя, как её ровное, глубокое дыхание контрастирует с моим сбитым, нервным ритмом, я подумала, что, наверное, только дети умеют спать так крепко, когда вокруг рушится что-то, чего они даже не замечают.

А потом я вышла на террасу с блокнотом. Сидеть в комнате было невыносимо. Стены давили. Мне нужно было оказаться под открытым небом, где хотя бы море дышало свободно, даже если я сама дышать разучилась.

Луна уже поднялась над морем. Круглая, полная, такая яркая, что её свет падал на воду и растекался по поверхности серебряной дорожкой, которая тянулась от горизонта до самого берега. Как приглашение. Как тропинка в другой мир, где нет ни сводных братьев, ни подруг детства, ни болезнен-

ного чувства, которое разъедает изнутри, когда смотришь на того, на кого смотреть не должна. Мне вдруг захотелось пойти по этой дорожке, уйти в море, раствориться в нём, стать частью этой лунной глади. Чтобы не чувствовать ничего: ни боли, ни стыда, ни этого липкого, тягучего чувства, которое называется ревностью, но на самом деле гораздо глубже и страшнее.

Ветер был слабым, почти незаметным, только иногда пробежал по коже, заставляя волоски на руках вставать дыбом. В этом ветре пахло солью, водорослями и чем-то далёким, чужим, что напоминало о том, что мир огромен, а мои проблемы крошечные и смешные. Но от этого мне не становилось легче, потому что даже крошечная проблема может заполнить собой всё небо, если смотреть на неё в упор.

Я рисовала не глядя, не включая свет на террасе. Луны было достаточно. Мне не хотелось привлекать внимание, не хотелось, чтобы кто-то увидел меня здесь, одну, с блокнотом на коленях и карандашом в пальцах, которые двигались сами по себе, выводили что-то на бумаге, пока мой мозг был занят совсем другим. Я перебирала события сегодняшнего дня: её смех, его улыбку, её руки на его плечах, мокрые волосы, брызги, бирюзовый купальник, который я никогда не смогла бы носить. И голос, который кричал «Ник, иди сюда!» с такой интонацией, будто она имела на него полное право. И он действительно пошёл, потому что у неё это право было.

Когда я наконец опустила взгляд, чтобы посмотреть, что

получилось, я увидела, что рука нарисовала не профиль, не лицо, не его глаза, которые мне снились прошлой ночью. Я нарисовала его руки. Длинные пальцы с чёткими, почти анатомически правильными суставами, татуировки на запястьях, которые я разглядывала украдкой каждый раз, когда он протягивал мне что-то, или когда сидел рядом и зажигал сигарету, или когда поправлял мой рисунок. Теперь на бумаге эти руки выглядели живыми, тёплыми, почти осязаемыми. Мне вдруг стало страшно от того, как хорошо я запомнила каждую линию, каждую складку кожи, каждый миллиметр. Хотя никогда не касалась их сознательно, только когда наши пальцы случайно встречались, передавая блокнот или кружку с водой.

— Ты одержима, — раздался голос за спиной, и я не вздрогнула. Я уже привыкла к тому, что он появляется именно в те моменты, когда я меньше всего его жду. Когда я думаю, что он в своей комнате или уехал, или вообще забыл о моём существовании. Но он всегда оказывается рядом. В темноте, в тишине, в нескольких сантиметрах от моей спины. И всегда говорит что-то такое, от чего внутри всё переворачивается.

Николас стоял позади. Я чувствовала его тепло, хотя он не касался меня. Чувствовала его дыхание где-то над моим плечом. Видела краем глаза, как он смотрит на блокнот, на эти нарисованные руки, на мою работу, которую я не спрятала и даже не попыталась закрыть. Прятать уже не было смыс-

ла. Он и так всё видел, всё знал, всё понимал лучше меня самой. От этого осознания мне становилось одновременно легче и тяжелее. Легче оттого, что не нужно притворяться. И тяжелее оттого, что правда оказалась такой обнажённой и беззащитной.

Я сидела и смотрела на луну, на её серебряную дорожку, и ждала, что он скажет дальше. Говорить первой у меня не было сил. Я боялась, что если открою рот, то скажу что-то, что нельзя будет забрать обратно.

— Твоя подруга красивая, — сказала я, не оборачиваясь. Мой голос прозвучал ровно, почти спокойно, но внутри всё дрожало. Я не хотела говорить о Лоле. Я хотела спросить его о другом: о том, почему он смотрит на меня так, будто видит сквозь кожу. Почему он держит меня за руку, а потом уходит. Почему он написал «И не прячься от меня», а сам спрятался за молчанием и холодностью.

— Лола? Да, красивая. И шумная, — он усмехнулся, и в этой усмешке не было насмешки надо мной. Скорее, какая-то усталая нежность к человеку, которого знаешь слишком долго. От этого мне стало не легче, а только больнее. Потому что он говорил о ней с такой лёгкостью, с такой привычной теплотой, которой у нас с ним никогда не было и, наверное, уже не будет. — Она не моя девушка.

— Мне всё равно, — ответила я слишком быстро, слишком резко, и сразу пожалела об этом. Это была ложь. Чистая, прозрачная, как вода в бассейне. И он, конечно, её увидел.

От этого мне стало стыдно. За свою глупую ревность. За то, что я не могу скрыть своих чувств. За то, что они написаны у меня на лице крупными буквами, и он читает их без всякого труда.

— Врёшь, — его голос стал тише, почти шёпотом. Я почувствовала, как его дыхание коснулось моей шеи — тёплое, с лёгкой горчинкой кофе и сигарет. От этого волосы на затылке встали дыбом, а сердце пропустило удар, потом ещё один, потом забилося где-то в горле, мешая дышать и думать, и вообще существовать.

— Не подходи близко, — попросила я, но слова прозвучали слабо, почти жалко. Потому что на самом деле я хотела сказать «подойди», «останься», «скажи мне что-нибудь, что перевесит этот день с её руками на твоих плечах». Но язык не повернулся, и я просто сидела и смотрела в сторону, боясь встретиться с ним взглядом.

Он не ушёл. Он обошёл шезлонг, сделав несколько бесшумных шагов по тёплому кафелю, и сел напротив, на край лежака. Так близко, что наши колени почти касались. Лунный свет упал на его лицо, осветив резкие скулы, тени под глазами, ту самую морщинку у внешнего уголка, которую он потом добавит на мой рисунок. Я и представить не могла, что он её заметил. От этой близости, от этого света, от того, как его тень падала на мои колени, мне захотелось провалиться сквозь землю или, наоборот, взлететь. Внутри стало одновременно пусто и полно, страшно и спокойно, и я не

знала, что с этим делать.

— Покажи мне тот рисунок, — сказал он, кивнув на блокнот, который лежал у меня на коленях, раскрытый на его руках. Но он имел в виду другой. Тот, с профилем, который я рисовала тогда у бассейна. Тот, из-за которого я убежала, краснея и прижимая блокнот к груди. Тот, который я потом спрятала под подушку и доставала, только когда никто не видел. — Глаза не такие, помнишь?

— Я помню, — ответила я, и мой голос прозвучал хрипло, как будто я не пила целый день. Хотя на самом деле я просто боялась. Просто смотрела на его руки, которые сейчас лежали на его коленях. Такие же, как на рисунке, но живые, тёплые, реальные. Я могла бы протянуть свою и коснуться их, но не делала этого, потому что не знала, что будет после.

— Дай исправлю, — он протянул руку, ладонью вверх. Не требуя, не приказывая, просто предлагая. Я не двинулась, не отдала блокнот, но и не отказала. Просто замерла, глядя на его пальцы, на татуировки, которые я нарисовала минуту назад. Думала о том, что если сейчас позволю ему взять блокнот, то, наверное, позволю и что-то ещё. И это «что-то» было страшнее любого рисунка.

Он взял блокнот сам. Медленно, очень медленно, касаясь края страниц кончиками пальцев. Я могла остановить его, могла прижать блокнот к себе, сказать «нет» или «не сейчас». Но я не сделала ни того, ни другого. Я позволила ему взять его, потому что в какой-то момент поняла, что больше

не хочу прятаться. Не хочу врать. Не хочу делать вид, что он мне безразличен. Потому что это было неправдой, и чем дольше я притворялась, тем большее становилось.

Николас открыл страницу с тем самым наброском, перелистнув рисунок с руками, который я сделала минуту назад. Нашёл тот, старый, где был его профиль. Жёсткий, почти грубый, с неправильными глазами, которые я нарисовала слишком большими, слишком наивными, слишком похожими на тех героев романов, которых я читала в шестнадцать лет. Теперь, глядя на этот рисунок со стороны, я видела все его ошибки, всю свою неопытность, всю ту глупую, девичью влюблённость, которая проступала в каждом штрихе, в каждом нажатии карандаша. Мне было стыдно, потому что он сейчас видел то же самое и, наверное, думал, какая же я ещё ребёнок.

Он взял мой карандаш, лежавший на подлокотнике шезлонга, и начал что-то выводить в уголке глаза, склонившись над рисунком так низко, что его волосы почти касались бумаги. Я смотрела не на рисунок. Я смотрела на его пальцы. Уверенные, твёрдые, знающие, что они делают. Он не учился рисовать, он учился видеть свет и тени, он учился смотреть. А рисование, наверное, это просто умение переносить взгляд на бумагу. И у него это получалось лучше, чем у меня, хотя я занималась этим всю жизнь, а он просто взял карандаш и поправил то, что я не могла поправить сама.

— На, — он вернул блокнот. Его голос был спокойным,

почти будничным, как будто он делал это тысячу раз. Как будто не было ничего особенного в том, что он сидит здесь, на террасе, под луной, и исправляет рисунки своей сводной сестры. От этой его будничности мне стало почему-то легче. Потому что он вёл себя так, будто мы делали это всегда. Будто между нами не было никакой неловкости, никакого напряжения. Только карандаш, бумага и лунный свет. — Теперь похоже.

Я посмотрела на рисунок и увидела, что он добавил тени. Глубокие, почти чёрные, которые легли под скулой и у корней волос. И маленькую морщинку у внешнего уголка глаза, ту самую, которую я не заметила, когда рисовала, потому что смотрела на него издали. А он, наверное, видел своё лицо в зеркале тысячи раз и знал каждую деталь лучше, чем я могла себе представить. От этого осознания мне стало немного грустно. Я поняла, что никогда не узнаю его так хорошо, как он знает себя сам. И что те рисунки, которые я делаю, это не он, а моё представление о нём. Такое же наивное и неправильное, как те первые штрихи, которые он сейчас исправил.

— Откуда ты знаешь, как рисовать? — спросила я. Это было единственное, что пришло мне в голову. Единственное, что не было связано с Лолой, с ревностью, с тем, как сильно я хотела, чтобы он назвал меня *mi vida* хотя бы раз. Хотя бы шёпотом. Хотя бы по ошибке.

— Я же говорил, — он пожал плечами, откинулся назад, опираясь на локти. Лунный свет упал на его татуировки, на

те, что на предплечьях, на те, что я видела в ванной, когда он стоял в одних шортах и вода стекала по его груди. И на те, что были скрыты тканью футболки. Но я всё равно знала, что они там. Потому что запомнила каждую линию, каждый завиток, каждую чёрную точку на его коже. — Фотограф. Учился видеть свет и тени. А линии это просто линии, художница. Их можно выучить, как алфавит.

Он не уходил. Сидел напротив, положив руки на колени. Я чувствовала его взгляд на своём лице, хотя смотрела в сторону моря. Боялась, что если посмотрю на него, то не смогу скрыть того, что написано у меня на лице. А написано там было слишком много. Слишком откровенно. Слишком по-детски. Я не была готова к тому, чтобы он это прочитал.

Лунный свет падал на его татуировки, делая их серебряными, почти нереальными. Я думала о том, сколько времени нужно, чтобы заполнить кожу такими рисунками. Сколько боли. Сколько денег. Сколько решений, о которых потом не жалеешь, или жалеешь, но уже поздно. Как он решился на первый рисунок? Что чувствовал, когда игла входила под кожу? Было ли ему больно, или он привык к боли, как привык ко всему остальному?

— Можно? — спросил он. Его голос был тихим, почти робким, что было так непохоже на него. На того самоуверенного парня, который врвался в ванную без стука и говорил: «Стучаться не учили?» И на того насмешника, который называл меня художницей с лёгкой улыбкой. И на того циника,

который за ужином говорил отцу колкости.

Он протянул руку к моему запястью, не дожидаясь ответа. Просто сделал это. Наверное, боялся, что если спросит и я скажу «нет», то он не сможет придумать причину остаться. И уйдёт. И будет жалеть, но не покажет вида.

Я замерла. Его пальцы легли на мою руку чуть выше кисти, там, где кожа самая тонкая и где бьётся пульс. Сейчас его можно было измерить без часов, просто глядя на то, как бьётся вена под его пальцами. Я чувствовала каждое касание, каждое движение, каждое биение своего сердца, которое отдавалось в том месте, где его пальцы лежали на моей коже. Кожа горела под его прикосновением, хотя его пальцы были прохладными. Странное, противоречивое ощущение — холод снаружи и огонь внутри. Я не могла пошевелиться, не могла отнять руку, не могла даже дышать. Боялась разрушить этот момент, который, может быть, ничего не значил для него. Но для меня значил всё. Я знала, что буду вспоминать его ещё долго, даже если после этого ничего не случится. Даже если он встанет и уйдёт, и мы никогда больше не будем так близко.

— У тебя всегда холодные руки? — спросил он тихо. В его голосе не было насмешки, только какое-то задумчивое, почти нежное любопытство. Как будто он изучал не мою руку, а что-то гораздо более важное, что пряталось за ней. Что-то, что я сама в себе не замечала. Но он видел, потому что он умел смотреть. Умел видеть свет и тени. Умел замечать

то, что другие пропускают мимо.

— Не знаю, — выдохнула я. Мой голос прозвучал чужим, далёким, как будто говорил кто-то другой. А я просто сидела внутри своей головы и наблюдала со стороны, как его большой палец проводит по моей ладони. Легко, едва касаясь, как будто он боялся надавить сильнее, как будто я могла рассыпаться от одного лишнего грамма давления. И я, наверное, могла бы рассыпаться. Потому что внутри меня не осталось ничего прочного. Только этот момент, только его пальцы, только лунный свет и шум волн.

Он провёл большим пальцем по моей ладони, от запястья к основанию пальцев. Медленно, как будто запоминал каждый миллиметр, каждую линию, каждую складочку. Я перестала дышать. Я забыла, как это делается, потому что всё моё тело превратилось в одну точку, в место соприкосновения его пальцев и моей кожи. Всё остальное — море, луна, дом, Амели, спящая в гостиной, мама с Мартином в кабинете — перестало существовать. Остались только мы и эта тишина, и этот лунный свет, и его дыхание, которое я чувствовала на своей щеке, хотя он сидел напротив. Это было невозможно, но я всё равно чувствовала.

— Дженнифер, — сказал он. Моё имя в его устах прозвучало так, как никогда не звучало раньше. Не «художница», не «ты», а полное, настоящее, выдохнутое почти шёпотом, как будто он пробовал его на вкус и находил его сладким. От этого у меня закружилась голова, и я на секунду закрыла

глаза, чтобы не упасть. — Ты дрожишь.

— Нет, — ответила я, но это было ложью. Я дрожала, мелко, часто, как осиновый лист на ветру. Он чувствовал эту дрожь своими пальцами, которые всё ещё лежали на моём запястье, всё ещё гладили мою ладонь, всё ещё не отпускали. Наверное, ему нравилось, что я дрожу. Или, может быть, наоборот, он хотел, чтобы я успокоилась, но не знал как.

— Врёшь, — сказал он в третий раз за день. В его голосе не было злости, только констатация факта. Тёплая, почти ласковая, как будто ему нравилось, что я вру. Как будто он видел сквозь эту ложь всё, что я пыталась спрятать, и принимал это. Не осуждал, не насмехался. От этого мне стало легче, потому что я поняла: он не будет смеяться, не будет говорить, что я глупая, не будет делать вид, что ничего не замечает.

Он убрал руку. Медленно, нехотя, как будто его пальцам не хотелось отпускать моё запястье. Я почувствовала, как холодный ночной воздух коснулся того места, где только что было его тепло. От этого стало ещё холоднее, чем до его прикосновения. Я сжала руку в кулак, пытаюсь сохранить остатки его тепла, но они уходили, уходили, и я не могла их удержать.

Он встал, распрямился, посмотрел на меня сверху вниз. Луна светила ему в спину, делая его силуэт тёмным, почти призрачным. Я подумала, что, наверное, он похож на тех героев старых фильмов, которые приходят ниоткуда и уходят

в никуда, оставляя после себя только воспоминания.

— Иди спать, художница, — сказал он. В его голосе появилась та привычная, знакомая нотка, которая пряталась за сарказмом и делала его слова похожими на заботу. Но я не была уверена, что это правда, потому что он никогда не говорил того, что думал на самом деле. Я устала гадать, где правда, а где очередная маска.

Он ушёл в дом. Шаги его были тихими, почти неслышными. Дверь закрылась беззвучно. Я осталась сидеть на террасе одна, с блокнотом на коленях, с рисунком, который он исправил, с горячей ладонью, которую я всё ещё сжимала в кулак, и с бешено колотящимся сердцем, которое никак не хотело успокаиваться.

В ту ночь я не спала до трёх, а может, и до четырёх. Время потеряло всякий смысл. Я сидела на подоконнике, поджав босые ноги под себя, и смотрела на море, которое чернело внизу тяжёлой, маслянистой гладью, только иногда прорезаемой белыми барашками волн. И всё прокручивала в голове одно и то же: его пальцы на моём запястье, их тепло, их тяжесть, то, как большой палец медленно провёл по моей ладони, как будто он запоминал меня на ощупь, как будто боялся забыть. От этих воспоминаний у меня горела не только рука, но и лицо, и шея, и всё тело, хотя в комнате было прохладно и окно я открыла настежь, впуская солёный ночной воздух.

Луна уже сместилась к горизонту и висела низко, огромная, желтоватая, похожая на старую монету. Её свет падал на

подоконник, на мои колени, на телефон, который я держала в руках, то включая, то выключая экран, проверяя, нет ли сообщений. Я сама знала, что их нет, потому что телефон не вибрировал. Но я всё равно проверяла, потому что надежда оказалась живучей, гораздо живучей, чем я думала.

В 2:47, когда я уже почти решила, что ничего не случится, что он спит или делает вид, что спит, или просто не хочет мне писать, телефон завибрировал. Я чуть не выронила его от неожиданности. В тишине ночи этот звук показался оглушительным, как выстрел.

На экране высветилось «Неизвестный номер». Хотя я уже выучила этот номер наизусть. Я могла продиктовать его с закрытыми глазами, могла написать на песке, могла выцарапать на коре дерева. Но в телефоне он всё ещё значился как неизвестный, потому что я не сохранила его. Боялась, что если сохраню, это станет реальным, окончательным, и пути назад не будет.

«Ты спишь?»

Я уставилась на экран. Сердце пропустило удар, потом ещё один, потом забилось где-то в горле. Я прочитала эти два слова раз пять, прежде чем поняла, что это не сон, не галлюцинация, не игра воображения. Он действительно написал. Глубокой ночью, когда весь дом спал, когда только море шумело и луна светила, он взял телефон и написал мне.

Мои пальцы дрожали, когда я набирала ответ. Я удалила его три раза, потому что «нет» казалось слишком коротким,

а просто смайлик неприличным. В итоге я написала самое простое, что пришло в голову:

«Да.»

Ответ пришёл почти мгновенно, как будто он ждал, как будто сидел и смотрел на экран. Мне стало тепло от этой мысли, что он ждал, так же как я ждала. Что он тоже не спал и думал обо мне.

«Опять врёшь»

Я улыбнулась в темноту, прикусила губу, чтобы не засмеяться вслух. Амели спала, а ещё смеяться в три часа ночи одной в комнате это уже диагноз. Но мне было так легко, так странно легко, как будто кто-то снял с моих плеч тяжёлый груз, о существовании которого я даже не подозревала.

«С чего вдруг?»

«Твоё окно светится»

Я выглянула в окно, прижавшись лбом к холодному стеклу, и увидела его внизу, на ступеньках, ведущих к пляжу. Сидел силуэт, тёмный на фоне серебряной воды. Он смотрел на море, но в руке у него светился телефон. Я поняла, что он поднял голову и смотрит на моё окно, что он видит меня, или хотя бы свет в моей комнате. От этого стало страшно и радостно одновременно, как будто я стояла на краю обрыва и смотрела вниз, зная, что кто-то держит меня за руку.

«Ты тоже не спишь»

«Я почти никогда не сплю. Привычка.»

«Плохая привычка»

«У меня много плохих привычек, художница.»

Я закусила губу. Внутри у меня всё сжалось от этого слова — «художница». Он произносил его всегда с какой-то особенной интонацией, не насмешливой, нет, скорее нежной. Как будто это было не просто обращение, а имя, которое он придумал для меня, которое никто больше не имел права использовать. Я смотрела на экран, на эти буквы, на то, как он написал «художница» с маленькой буквы, но я чувствовала заглавную. От этого у меня кружилась голова, и я не знала, что ответить. Но пальцы уже набирали текст, потому что тело знало, чего хочет, даже когда голова сопротивлялась.

«Например?»

Я замерла. Вопрос был глупым и слишком откровенным. Я просила его перечислить свои плохие привычки, а это значило, что мне не всё равно. Что я хочу знать о нём всё, даже плохое, особенно плохое. Потому что хорошее я и так видела, когда он играл с Амели или помогал маме нести сумки. Но плохое он прятал, и я хотела заглянуть за эту стену, хотя боялась того, что увижу.

Пауза была долгой. Три минуты, показавшиеся вечностью. Пять. Я смотрела на экран, на надпись «печатает», которая загоралась и гасла, загоралась и гасла. Как будто он набирал сообщение и стирал его, набирал и стирал. Я поняла, что он тоже боится, что он тоже не знает, как сказать правду. От этого мне стало легче. Мы оба стоим на краю, оба смотрим вниз, оба боимся сделать шаг.

«Например, курить. И садиться слишком близко к людям, к которым не стоит.»

Я прочитала это предложение раз пять, вслушиваясь в каждое слово, в каждую букву. Внутри меня разлилось что-то тёплое, тягучее, похожее на жидкий мёд. Фраза «к которым не стоит» значила, что есть люди, к которым стоит. И, наверное, я была среди несостоящих. Но он всё равно садился близко, всё равно писал мне глубокой ночью, всё равно держал за руку и говорил, что у меня холодные пальцы. Если это называется «не стоит», то я не знала, что тогда будет со «стоит». Наверное, что-то, от чего я не выживу.

«Почему не стоит?»

И снова пауза. Долгая, тянущаяся, как резина, которая вот-вот лопнет. Я смотрела на его силуэт внизу, на ступеньках. Он сидел неподвижно, только рука с телефоном иногда двигалась. Я думала о том, что он сейчас чувствует. Злится на меня за этот вопрос или, наоборот, рад, что я спросила. Потому что сам он никогда бы не начал этот разговор, но если его спросить, он, может быть, ответит. И он ответил.

«Потому что я ломаю вещи, Дженнифер. Это единственное, что я умею хорошо.»

Я смотрела на экран, и эти слова врезались в меня, как нож. Я вдруг поняла, что он не шутит, не преувеличивает, не играет. Он действительно так думает о себе. Он носит это внутри себя уже много лет. С тех пор как отец разбил его фотоаппарат. С тех пор как его отправили учиться на архитек-

тора против его воли. С тех пор как он понял, что его жизнь не принадлежит ему. И он ломал её сам, потому что лучше сломать что-то своими руками, чем ждать, пока это сломают другие. Я смотрела на его силуэт внизу и хотела спуститься, обнять его, сказать, что он не ломает, что он просто боится, что он прячется за этими словами, как за стеной. Но вместо этого я написала:

«Меня не сломаешь.»

Я верила в это, когда писала. Верила, что я сильнее. Что я не из тех хрупких вещей, которые разбиваются от первого удара. Что я гнулась, но не ломалась всю жизнь. И здесь, с ним, я тоже выстою, даже если будет больно, даже если он уйдёт, даже если это ничем не кончится. Я выстою, потому что я уже выстояла столько раз, что один раз больше не имеет значения.

«Ты уверена?»

Он спросил, и в этом вопросе не было насмешки. Только тихая, почти детская неуверенность. Как будто он хотел, чтобы я сказала «нет», чтобы я дала ему повод отступить, спрятаться обратно в свою раковину, сказать, что он преудпреждал, что он говорил, что я сама виновата, если что-то пойдёт не так. Но я не сказала «нет».

«Да»

Это «да» повисло в воздухе между нами. Тяжёлое, как камень, и лёгкое, как пух. Я смотрела, как оно падает в пустоту, и ждала, что будет дальше.

Я выглянула в окно. Его силуэт всё ещё сидел на ступеньках, телефон светился в темноте, и луна отражалась в воде. Я подумала, что этот момент, наверное, останется со мной навсегда. Даже если через год мы не будем разговаривать. Даже если это лето закончится и мы разъедемся в разные стороны. Даже если ничего не случится. Я запомню эту ночь, этот разговор.

«Спокойной ночи, художница.»

Его сообщение пришло через минуту. Я прочитала его три раза, вслушиваясь в каждую букву. Представила, как он улыбается, когда пишет это, и как отключает телефон, и как идёт в дом, и как ложится в кровать, и закрывает глаза, и думает обо мне, так же как я думаю о нём.

«Спокойной ночи, Николас.»

Я отправила и не могла оторвать взгляд от экрана. Ждала, что он напишет ещё что-нибудь, одно слово, один смайлик, что-нибудь, что продлит этот разговор ещё на минуту, на секунду. Но экран погас, и сообщения больше не приходили. Я смотрела вниз, на ступеньки. Его силуэт исчез, он ушёл в дом. Только луна осталась на месте, и море шумело, и ветер шевелил шторы. Я сидела на подокон

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.